

Генеральная Ассамблея

Distr.: General
6 April 2006
Russian
Original: Spanish

Комиссия международного права

Пятьдесят восьмая сессия

Женева, 1 мая — 9 июня

и 3 июля — 11 августа 2006 года

Девятый доклад об односторонних актах государств, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Виктором Родригесом Седеньо

Добавление

Содержание

	<i>Пункты</i>	<i>Стр.</i>
I. Введение	1–9	3
II. Часть первая		
A. Действительность и продолжительность односторонних актов	10–78	6
1. Основания недействительности	11–78	6
a) Недействительность одностороннего акта, вызванная отсутствием надлежащих полномочий у представителя	18–34	9
i) Статья 46 Венской конвенции 1969 года	22–30	11
ii) Специальное ограничение полномочий на выражение согласия государства	31–34	15
b) Основания недействительности, связанные с выражением согласия	35–66	16
i) Ошибка	36–43	16
ii) Обман	44–47	19
iii) Подкуп представителя	48–52	20
iv) Принуждение	53–66	22
a. Принуждение представителя государства	54–58	22

b.	Принуждение государства посредством угрозы силой или ее применения	59–66	24
c)	Недействительность вследствие противоречия одностороннего акта норме <i>jus cogens</i>	67–78	27
V.	Прекращение и приостановление односторонних актов и аналогичные концепции	79–124	32
1.	Ситуации, обуславливаемые волей автора одностороннего акта	95–108	37
2.	Ситуации, вызванные внешними обстоятельствами, не поддающимися контролю авторов одностороннего акта	109–124	43
a)	Ситуации, предусмотренные в Венской конвенции о праве международных договоров	110–119	44
b)	Ситуации, прямо не предусмотренные в Венской конвенции о праве международных договоров	120–124	48
III.	Часть вторая: проекты руководящих принципов, выносимые на рассмотрение Рабочей группы		
A.	Определение одностороннего акта	126–139	51
B.	Формулирование одностороннего акта	140–152	55
1.	Правоспособность государств формулировать односторонние акты	140–141	55
2.	Лица, правомочные формулировать односторонние акты от имени государства	142–150	55
3.	Последующее подтверждение акта, сформулированного лицом, не имеющим на то полномочий	151–152	58
C.	Основа обязательного характера односторонних актов	153–156	59
D.	Толкование односторонних актов	157–161	60

I. Введение

1. Комиссия международного права рассмотрела восьмой доклад об односторонних актах государств¹ на своих 2852–2855-м заседаниях 15, 19–21 июля 2005 года. В соответствии с просьбами Рабочей группы, членов Комиссии и государств, представленных в Шестом комитете, в этом докладе были приведены различные примеры односторонних актов государств, которые, хотя и не все из них являются односторонними актами в том смысле, который интересует Комиссию, могли бы способствовать обсуждению и дальнейшему рассмотрению этой темы.

2. В ходе прений, которые состоялись в Комиссии, было вновь отмечено, что «многообразие последствий и важная роль контекста, в котором формулируются эти акты, весьма затрудняют разработку теории или режима односторонних актов»². Вместе с тем другие члены отметили, что установление такого режима возможно³, хотя и высказали по этому поводу ряд оговорок.

3. В ходе обсуждения этой темы в Комиссии также указывалось, что «уже изученная практика, обогащенная, при необходимости, дополнительным изучением других актов... может представлять собой основу для выработки четко сформулированного, но в то же время достаточно гибкого определения»⁴. После выработки такого определения «необходимо будет изучить вопрос о полномочиях и компетенции автора одностороннего акта»⁵. Кроме того, было высказано мнение о том, что следует «подготовить итоговый отчет о работе Комиссии по этой теме в виде декларации, дополненной общими или предварительными выводами, с изложением всех пунктов, которые были приняты путем консенсуса»⁶. Также отмечалось, что «важно не упускать из виду необходимость сохранения за государствами свободы выступать с политическими заявлениями в любой момент, не чувствуя себя принуждаемыми возможностью принятия юридических обязательств»⁷.

4. Другая точка зрения, которая уже неоднократно высказывалась в Комиссии, заключается в том, что «односторонние акты являются столь различными, а также многообразными и разнородными по своему характеру, что их, по-видимому, невозможно кодифицировать в виде проектов статей»⁸; в этой связи «„описательное“ исследование было бы наилучшим способом рассмотрения этой темы с учетом того, что контекст совершения этих актов играет главную роль в деле их квалификации»⁹. С учетом тех трудностей, с которыми столкнулась Комиссия в деле выработки единого подхода к нормам общего характера, по мнению некоторых членов, было бы разумнее «ориентироваться на директивы или принципы, которые могли бы помогать государствам и направ-

¹ A/CN.4/557.

² *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестидесятая сессия, Дополнение № 10 (A/60/10)*, пункт 303, в котором излагается мнение П. Эскармейя, Я. Броунли и М. Коскенниemi.

³ Там же, где излагаются мнения М. Камто, А. Пелле, Э. Кандиоти и Х. Сюэ, в частности.

⁴ Там же, мнение С. Фомбы.

⁵ Там же, пункт 305, в частности мнения П. Эскармейя и Э. Кандиоти.

⁶ Там же, пункт 307, мнения Э. Кандиоти и Х. Сюэ.

⁷ Там же, пункт 309, мнение А. Пелле.

⁸ Там же, пункт 310, мнения М. Коскенниemi и Я. Броунли.

⁹ Там же, мнение Я. Броунли.

лять их действия при обеспечении большей степени определенности в данной области»¹⁰.

5. Другой аспект, который рассматривался в ходе прений в Комиссии на последней сессии¹¹ и в ходе заседаний Рабочей группы¹², касался «возможности отзыва акта» в качестве важного элемента всестороннего исследования¹³, в связи с чем этот вопрос подробно изучается в настоящем докладе.

6. Доклад и материалы прений Комиссии были рассмотрены представителями стран в Шестом комитете в ходе сессии 2005 года. На заседаниях, состоявшихся 24 октября — 3 ноября 2005 года, представители правительств отметили сложный характер рассматриваемой темы¹⁴, а также высказали определенные опасения по поводу темпов работы¹⁵, поддержали постановку вопроса в восьмом докладе¹⁶, а также задали более конкретные вопросы по этой теме. В частности, было указано на необходимость ограничить объект исследования обязательствами, которые государства могут принимать в силу одностороннего заявления, а также условиями действительности¹⁷ и последствиями, которые они могут иметь для третьих государств, включая соответствующие права указанных государств, отказавшись при этом от рассмотрения сложнейшего вопроса о поведении¹⁸.

7. Что касается формы продолжения этой работы, то некоторые делегации отметили необходимость завершить работу в 2006 году¹⁹ путем формирования общих выводов на базе предыдущей работы Комиссии²⁰ с учетом, однако, соб-

¹⁰ Там же, пункт 314, в частности мнения Э. Кандиоти и А. Пелле.

¹¹ Там же, пункт 315.

¹² Рабочая группа открытого состава под председательством А. Пелле провела четыре заседания 11 и 18 мая, 1 июня и 25 июля 2005 года. См. там же, пункты 327–332.

¹³ Председатель Комиссии международного права Р. Момтаз по просьбе Комиссии предложил государствам, представленным в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи, предлагать свои комментарии в отношении практики отзыва или пересмотра односторонних актов, конкретных условий и обстоятельств таких действий, последствий отзыва или пересмотра таких актов, а также возможной реакции третьих государств (A/C.6/60/SR.13, пункт 80).

¹⁴ A/C.6/60/SR.11, пункт 59, мнение представителя Испании; A/C.6/60/SR.16, пункт 12, мнение представителя Российской Федерации; A/C.6/60/SR.19, пункт 14, мнение представителя Ливийской Арабской Джамахирии; A/C.6/60/SR.20, пункт 38, мнение представителя Боливарианской Республики Венесуэла.

¹⁵ A/C.6/60/SR.11, пункт 46, мнение представителя Марокко; A/C.6/60/SR.14, пункт 52, мнение представителя Японии; A/C.6/60/SR.15, пункт 10, мнение представителя Республики Корея; A/C.6/60/SR.16, пункт 52, мнение представителя Гватемалы; пункт 72, мнение представителя Кении.

¹⁶ A/C.6/60/SR.14, пункт 10, мнение представителя Австрии; пункт 44, мнение представителя Новой Зеландии; пункт 52, мнение представителя Японии; A/C.6/60/SR.16, пункт 12, мнение представителя Российской Федерации; пункт 21, мнение представителя Польши; пункт 46, мнение представителя Чили.

¹⁷ A/C.6/60/SR.11, пункт 59, мнение представителя Испании; пункт 74, мнение представителя Франции.

¹⁸ Там же, пункт 59, мнение представителя Испании; пункт 74, мнение представителя Франции; A/C.6/60/SR.16, пункт 22, мнение представителя Польши; в том же ключе делегация Чили отметила, что было бы целесообразным закрепить успехи, достигнутые в отношении односторонних актов *stricto sensu*, прежде чем приниматься за детальное исследование поведения (там же, пункт 48).

¹⁹ A/C.6/60/SR.15, пункт 10, мнение представителя Республики Корея; A/C.6/60/SR.16, пункт 35, мнение представителя Португалии.

²⁰ A/C.6/60/SR.12, пункт 42, мнение представителя Дании от имени государств Северной

ственного характера односторонних актов, т.е. не придерживаясь слишком строго положений Венской конвенции о праве международных договоров²¹. Вместе с тем другие делегации отметили, что положения, касающиеся права международных договоров, могут оказаться полезными в качестве отправной точки и даже применимыми *mutatis mutandis*²². Тогда же было указано на необходимость прекратить рассмотрение этой темы, как об этом уже говорилось на предыдущих сессиях²³; а также отмечено, что в связи с крайне сложным характером этих актов их кодификация и прогрессивное развитие невозможны²⁴. Другие делегации отметили, что рассмотрение этой темы Комиссией способствует прояснению характера односторонних актов²⁵, и указали, что можно было бы приступить к разработке основных положений или принципов по этой теме²⁶, что могло бы стать хорошей основой для последующей кодификации.

8. Специальный докладчик в ответ на опасения, высказанные членами Комиссии, и для содействия рассмотрению этой темы представляет в этом году свой девятый доклад, который разделен на две части: первая касается оснований недействительности односторонних актов, их изменений, приостановления их действия и других аналогичных концепций, которые не освещались в официальном порядке Специальным докладчиком в его докладах, хотя и рассматривались в ходе прений в предыдущие годы. Во второй части рассматриваются темы, которые уже обсуждались в Комиссии и Рабочей группе, учрежденной в 2004 и 2005 годах под руководством г-на Алена Пелле, — определение одностороннего акта и его отличий от других актов, которые, формально являясь односторонними, могут относиться к сфере договорных отношений и таким образом подпадать под действие Венского режима о праве международных договоров. Также проводятся различия между такими актами, как волеизъявление *stricto sensu* и одностороннее поведение, которое может вызывать аналогичные правовые последствия. В данном случае речь идет об адресате или адресатах одностороннего акта, причем это не мешает ограничивать тему односторонними актами, формулируемыми государствами. В этой связи представляются два проекта, которые могут стать частью определения акта и определить сферу применения проекта руководящих принципов (I); во-вторых, представляется ряд проектов, касающихся формулирования актов: правомочность государства, лиц, уполномоченных действовать от его имени и принимать от его имени юридические обязательства в его международных отношениях, и последующее подтверждение акта, сформулированного без уполномочия (II); в-третьих, предлагается проект, касающийся основания обязательного характера односторонних актов (III); и наконец, проект руководящих принципов, касающихся толкования односторонних актов (IV). И в заключение приводится перечень

Европы; A/C.6/60/SR.13, пункт 106, мнение представителя Аргентины; A/C.6/60/SR.15, пункт 18, мнение представителя Китая.

²¹ A/C.6/60/SR.14, пункт 44, мнение представителя Новой Зеландии.

²² A/C.6/60/SR.15, пункт 10, мнение представителя Республики Корея; A/C.6/60/SR.16, пункт 54, мнение представителя Гватемалы.

²³ A/C.6/60/SR.14, пункт 7, мнение представителя Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии.

²⁴ A/C.6/60/SR.15, пункт 2, мнение представителя Соединенных Штатов Америки.

²⁵ A/C.6/60/SR.16, пункт 48, мнение представителя Чили; пункт 52, мнение представителя Гватемалы; A/C.6/60/SR.17, пункт 6, мнение представителя Кубы; A/C.6/60/SR.18, пункт 74, мнение представителя Беларуси.

²⁶ A/C.6/60/SR.18, пункт 93, мнение представителя Малайзии.

всех предлагаемых руководящих принципов с добавлением принципов, касающихся недействительности, прекращения и приостановления действия односторонних актов, которые рассматриваются в документе A/CN.4/569.

9. Специальный докладчик предлагает рассмотреть первую часть настоящего доклада на пленарных заседаниях, а вторую часть передать Рабочей группе для дальнейшего рассмотрения в соответствии с ее мандатом и в целях оживления обсуждения этой темы в ходе текущей сессии.

II. Часть первая

A. Действительность и продолжительность односторонних актов

10. В этой части мы рассмотрим вопрос о действительности и продолжительности односторонних актов государств, который, хотя и рассматривался Комиссией в ходе предыдущих сессий, заслуживает более подробного анализа в целях обоснования предлагаемых руководящих принципов. В Комиссии и Шестом комитете указывалось на необходимость самого детального рассмотрения этой темы. С этой целью предлагается исследование, в котором предпринята попытка рассмотреть этот вопрос с точки зрения доктрины и практики, хотя практика в данном случае является ограниченной.

1. Основания недействительности

11. В доктрине вопрос о действительности односторонних актов государств рассматривается недостаточно широко и весьма эпизодически²⁷. Хотя в сфере права международных договоров возможные основания недействительности, прекращения и приостановления их действия являются объектом многочисленных заключений и исследований²⁸, в рассматриваемой нами теме²⁹ сложилась иная ситуация. Вместе с тем это не означает, что данная тема не представ-

²⁷ Анализ этого вопроса в значительной мере строится на выводах М.И. Торрес Касорла, содержащихся в его работе, представленной во втором туре конкурса на соискание должности преподавателя в Университете Малаги, *Los actos unilaterales de los Estados en el derecho internacional contemporáneo*, 2001, págs. 117–172.

²⁸ Необходимо учесть, что в Венской конвенции 1969 года тридцать одна статья (с 42 по 72) и приложение посвящены регулированию недействительности, прекращения и приостановления действия договоров (Часть V). В этой Конвенции ставилась похвальная задача — обеспечить стабильность и правовую предсказуемость договорных отношений, сделав случаи недействительности, прекращения или приостановления исключительными и просчитанными.

²⁹ По этой причине, вероятно, по-прежнему сохраняет свою значимость мнение Е. Пекур Гарсии в *“El principio del estoppel en derecho internacional público”*, 15 *R.E.D.I.* (1962), pág. 125, хотя оно и было высказано до окончания работы над Венской конвенцией о праве международных договоров. Это мнение можно также применить к односторонним актам государств и заключается оно в следующем: «Отсутствие органической доктрины и единообразных принципов, которые бы регулировали действительность и недействительность международно-правовых актов, делает почти невозможным изучение таких аспектов в рамках определенной группы этих актов в контексте общего представления о действительности. Это влечет за собой необходимость изучения проблемы действительности и недействительности различных международных актов в рамках относительно независимых концептуальных и нормативных структур».

ляет интереса — скорее наоборот. В действительности практически с самого начала рассмотрения этой темы в Комиссии представители правительств в Шестом комитете говорили, что в будущем в рамках этой работы следует уделить основное внимание аспектам, касающимся разработки и условий действительности односторонних актов³⁰. Сама Комиссия передала вопросы, касающиеся причин недействительности, на рассмотрение Рабочей группе, указав, что «речь идет о деликатном вопросе, заслуживающем ...более тщательного изучения при одновременном рассмотрении вопроса, касающегося условий действительности одностороннего акта»³¹.

12. В доктрине встречаются некоторые замечания по этому вопросу и принцип добросовестности обосновывается необходимостью обеспечения соблюдения обязательств, принятых в одностороннем порядке. Этот принцип, в свою очередь, вытекает из морального обязательства выполнения данного обещания или же социального требования обеспечения стабильности международных отношений, причем посредством одного из двух аргументов: искренность заявителя или ожидания третьих сторон по поводу выполнения указанного одностороннего акта³². В той же доктрине указывается, что «в силу основополагающего требования стабильности международных отношений одностороннее обязательство обеспечивает гарантии выполнения, сопоставимые с теми, которые присущи обычному обязательству»³³. Такой подход, в частности, подчеркивает сходство между этими двумя понятиями — односторонними актами и международными договорами, — что на наш взгляд и является одной из причин того, что положения Венской конвенции, касающиеся возможной недействительности, прекращения или приостановления действия договоров, должны рассматриваться в рамках изучения нашей темы, хотя с учетом особенностей односторонних актов эти статьи нельзя механически перенести в эту сферу³⁴.

13. Второй основной вопрос, который необходимо рассмотреть в этом исследовании, заключается в почти полном отсутствии учета непредвиденных обстоятельств, которые могут возникать в связи с односторонними актами. Международная практика в этой сфере также не изобилует примерами. Даже попытки экстраполировать определенные концепции, вытекающие из внутреннего права, вызвали в доктрине определенные сомнения, которые не удалось рас-

³⁰ В этой связи представляются показательными выступления представителей Австрии (A/C.6/53/SR.15, пункт 10) и Румынии (A/C.6/53/SR.18, пункт 3).

³¹ A/CN.4/519, пункты 4–6 и 19.

³² См. J. Charpentier, “Engagements unilatéraux et engagements conventionnels: différences et convergences”, в J. Makarczyk (ed.), *Theory of International Law at the Threshold of the 21st Century. Essays in honour of Krzysztof Skubiszewsky*, La Haya, Boston, Londres, 1996, pág. 378.

³³ Ibid., pág. 380.

³⁴ Обе эти идеи высказаны М. Акхурстом, “The Hierarchy of the Sources of International Law”, 47 *V.I.L.* (1974–75), págs. 280 у 281, где указывается: «эти акты настолько гетерогенны, что в отношении них крайне трудно делать какие-либо обобщения... в иных обстоятельствах односторонние акты являются источником права или по крайней мере юридических прав и обязательств... Такие акты по своим последствиям аналогичны договорам и, вероятно, имеют такую же иерархическую ценность, как и договоры; иными словами государство может путем обещания или отказа отказаться от свобод или прав, которыми оно пользовалось в соответствии с договорами или нормами обычного права, хотя последующий договор или обычай может погасить обязательства, принятые в обещании, и возродить права, утраченные в результате отказа».

сеять и в рамках ограниченной в этом вопросе практики. Как справедливо отмечал Гугенхейм: «В конечном итоге при привнесении в международное право теории частного права, касающейся пороков согласия, в систему межгосударственных отношений переносится доктрина, первоначально применявшаяся в области внутреннего права, и при этом забывается, что разработка последовательной теории пороков согласия может быть результатом лишь долгосрочных усилий в судебной практике, чего не происходит в международном праве»³⁵.

14. Доктрина, вероятно в результате попытки экстраполяции норм внутреннего права на международное право, различает пороки, которые непосредственно затрагивают самостоятельное волеизъявление и таким образом лишают его смысла, и те пороки, которые затрагивают волю субъекта, искажая ее, но не сводя на нет; следуя такой логике, последствия, которые изначально предполагалось вызвать в рамках обеих ситуаций, также могут быть различными. Как указывает Вентурини, «в первом случае правовой акт, лишенный одного из своих составляющих элементов, должен рассматриваться как лишенный силы и не более того, в то время, как во втором случае простое нарушение, к тому же неочевидное, может предоставить заинтересованному лицу лишь право оспаривать этот акт»³⁶. Верзейл, который занимает более прагматичную позицию, считает, что эти различия, экстраполированные из различных систем права³⁷, могут также представлять интерес и для публичного международного права и, в частности, быть применимыми к односторонним актам³⁸.

15. Таким образом, в данном случае мы сталкиваемся с практически неизученной областью, которая почти не рассматривается в доктрине или же где доктрина, как правило, предусматривает отсылку к праву международных договоров, и где практически отсутствует практика. Все эти аспекты, безусловно, сужают и ограничивают сферу изучения этой темы, хотя, насколько это возможно, мы попытаемся проиллюстрировать рассматриваемые концепции соответствующими примерами.

16. В какой степени основания недействительности, предусмотренные в Конвенции 1969 года о праве международных договоров, могут быть применимы к односторонним актам? Как отмечалось, «когда они выступают в роли источника юридических прав и обязательств, общие требования к действительности односторонних актов по сути совпадают с требованиями, предъявляемыми к

³⁵ См. P. Guggenheim, “La validité et la nullité des actes juridiques internationaux”, 74 *Rec. des Cours* (1949), pág. 197.

³⁶ См. G. Venturini, “La portée et les effets juridiques des attitudes et des actes unilatéraux des États”, 112 *Rec. des Cours* (1964), pág. 420. Вместе с тем этот автор отмечает, что различия между недействительностью и объявлением недействительности не получили полного признания в рамках доктрины. Фактически в Венской конвенции о праве международных договоров различие между этими понятиями не проводится.

³⁷ См. J. Verzijl, “La validité et la nullité des actes juridiques internationaux”, 15 *R.D.I.* (1935), pág. 298, где в числе других обстоятельств отмечается абсолютное отсутствие акта в отличие от собственно его недействительности; недействительность и объявление о недействительности, абсолютная и относительная недействительность; недействительность, которую могут объявлять суды *de oficio*, в отличие от недействительности, о которой должны объявлять соответствующие стороны; полная и частичная недействительность; недействительность, которая может компенсироваться действительностью; объявление о недействительности, которая влечет за собой *ex nunc* и *ex tunc*.

³⁸ *Ibid.*, pág. 306.

действительности договоров»³⁹. Согласно этой принятой в доктрине концепции условия действительности являются следующими: односторонний акт должен быть сформулирован субъектом, имеющим на то соответствующие полномочия; его содержание должно быть материально выполнимым и не должно противоречить императивной норме общего международного права (*jus cogens*); волеизъявление автора должно соответствовать его реальному намерению и быть свободным от пороков или изъянов. Кроме того, что касается формы односторонних актов, то она должна быть свободной, однако, как указывается в той же доктрине, существуют некоторые односторонние акты, в отношении которых требуется (в целях обеспечения их своевременной публикации и правовой определенности)⁴⁰ уведомление (как, например, в морском праве в отношении определения базовых линий и делимитации соответствующих пространств)⁴¹. Итак, при анализе этого последнего примера односторонних актов, связанных с договорным режимом, как указывалось в предыдущих докладах и комментариях к настоящему докладу, можно отметить, что эти акты регулируются конкретным договорным режимом, к которому они относятся.

17. Основания недействительности, которые мы рассмотрим, можно разделить на три следующие категории: 1) недействительность одностороннего акта, вызванная отсутствием соответствующих правомочий представителя; 2) основания недействительности, связанные с выражением согласия; и 3) недействительность вследствие противоречия одностороннего акта норме *jus cogens*.

а) Недействительность одностороннего акта, вызванная отсутствием надлежащих правомочий у представителя

18. Из международной практики явствует, и мы подробно говорим об этом во второй части, что помимо лиц, являющихся самыми высокопоставленными представителями государства, существуют и другие лица, которые в силу вы-

³⁹ См. V.D. Degan, "Unilateral Act as a Source of Particular International Law", 5 *Finnish Y.B.I.L.* (1994), págs. 187 y 188. Практически такое же мнение высказано в K. Skubiszewsky, "Unilateral Acts of States", en Bedjaoui, M. (ed.), *International Law: Achievements and Prospects* (Dordrecht, Boston, Londres, 1991), pág. 230, где автор заявляет следующее: «Любой односторонний акт должен выражать подлинное намерение его автора. Таким образом, односторонние акты, совершенные в результате ошибки, обмана или подкупа представителя государства, могут быть объявлены недействительными, а акты, совершенные в результате принуждения (будь то в отношении представителя государства или самого государства), являются недействительными. В этом аспекте существуют значительные сходства между недействительностью договоров и односторонних актов».

⁴⁰ Международный суд принял весьма жесткий критерий в этом отношении в недавнем решении по делу *R.D.C. c. Rwanda*, párr. 41, где конкретно говорится о снятии оговорок и указывается: «Действительно, следует проводить четкое различие между решением снять оговорку к договору, принимаемым в рамках внутренней правовой системы государства, и осуществлением этого решения компетентными национальными органами в рамках международной правовой системы, что может осуществляться лишь посредством уведомления других государств-участников соответствующего договора о снятии данной оговорки».

⁴¹ Это объясняется уникальным характером таких актов, связанных с обычными аспектами морского права. В этой связи, как указывает Руилоба Гарсиа в *Circunstancias especiales y equidad en la delimitación de los espacios marítimos*, Zaragoza, 2001, pág. 34, «делимитация морских границ обладает гетерогенным характером в том плане, что каждый случай делимитации отличается собственными особенностями, которые делают его уникальным и неповторимым как снежинки».

полняемых ими функций и в определенном контексте могут действовать и принимать обязательства от имени государства в его внешних сношениях путем формулирования юридически обязательных односторонних актов.

19. В соответствии с наиболее распространенной доктриной и международной практикой можно считать, что такие лица, являющиеся самыми высокопоставленными представителями государства и обладающие таким образом правомочиями изъявлять согласие государств в договорной сфере, также обладают такими полномочиями по принятию обязательств от имени этого государства путем формулирования односторонних актов. Речь идет об экстраполяции, со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями, статьи 7.2(a) Венской конвенции 1969 года о праве международных договоров. Вместе с тем в международном плане в этой связи существуют различные трудности, из которых мы отметим, по крайней мере, одну: возможность того, что другие лица, некоторые из которых указаны в упомянутой статье (дипломатические агенты или представители на международной конференции), а другие не указаны (речь идет о заблаговременном представлении соответствующих полномочий), обладают определенными правомочиями по принятию обязательств от имени государства, которое они представляют, причем необходимо отметить, что этот вопрос рассматривался раньше в контексте темы о лицах, уполномоченных действовать и принимать обязательства от имени государства.

20. Итак, что же происходит, когда представитель государства выходит за рамки своих полномочий? Этот вопрос более непосредственно связан с позицией, получившей широкое распространение во внутреннем законодательстве, в котором ситуация в отношении односторонних актов является иной, хотя в конституциях государств, как правило, достаточно подробно перечисляются внутренние органы, которые участвуют — и в какой форме они участвуют — в изъявлении согласия государства на принятие обязательств в соответствии с международным договором⁴².

⁴² В этой связи мы полностью разделяем следующие критические замечания Ремиро Бротонса: «определение в конституционном порядке парламентского регулирования договоров является результатом статичного подхода к выработке международных норм и обязательств. Договорами эти аспекты не регулируются. Вспомните соответствующие международно значимые независимые односторонние акты (признание, обещание, протест, репрессалии)...

Это не имеет отношения к участию палат, а в некоторых случаях даже и правительства в качестве коллегиального органа, что не совсем логично, поскольку без них можно принять обещания, которые лишь при их участии станут обязательствами, закрепленными в форме договора. Чтобы выйти из этой «серой зоны» необходимо выработать новый подход, который предусматривал бы иное решение вопроса об участии палат с учетом гибкости и позитивного характера таких обязательств. На данный момент существует немного государственных систем, которые осмелились отойти от такого подхода, и испанская система не относится к их числу. Можно привести конституции Дании (статья 19.3) и Швеции (глава X, статьи 2, 6–8; XIII, статья 2) в качестве примера новаторской модели всестороннего участия палат, причем уже не на условиях жесткого контроля, в принятии наиболее важных решений внешней политики, независимо от того, какую форму это принимает. В них предусматривается создание уменьшенных представительных органов, которые могут быть созданы незамедлительно, получают секретную информацию о ходе развития международных отношений и к которым правительства обращаются до принятия важных решений». См. А. Remiro Brotóns, *Derecho Internacional Público. 2. Derecho de los Tratados*, Madrid, 1987, pág. 116.

21. Венская конвенция с осторожностью подходит к регулированию возможных оснований, влияющих на полномочность государственных представителей по принятию обязательств в форме договоров. Она исходит из исключительно характера таких положений и, таким образом, принципа сохранения и поддержания договорных отношений. Необходимо понять, что в отношении односторонних актов следует уделять основное внимание такому же принципу, поскольку в противном случае это породит недоверие в международных отношениях и, таким образом, ограничит применение односторонних актов в качестве формы принятия действий и обязательств в этой сфере. Более того, такая возможная неопределенность и невыполнение данного обещания с ссылкой на одно из оснований недействительности, которые мы рассматриваем, вполне может повлечь за собой нарушение баланса в сторону подтверждения одностороннего акта, затрагиваемого таким пороком. Чтобы попытаться избежать такой неопределенности, мы считаем весьма полезным вновь, по крайней мере вкратце, рассмотреть две концепции части V Венской конвенции 1969 года, чтобы установить применимость этих положений к нашей теме.

i) Статья 46 Венской конвенции 1969 года

22. Как известно, в пункте 1 статьи 46, озаглавленной «Положения внутреннего права, касающиеся компетенции заключать договоры», говорится следующее: «Государство не вправе ссылаться на то обстоятельство, что его согласие на обязательность для него договора было выражено в нарушение того или иного положения его внутреннего права, касающегося компетенции заключать договоры, как на основание недействительности его согласия, если только данное нарушение не было явным и не касалось нормы его внутреннего права особо важного значения»⁴³.

23. Негативная формулировка этой концепции отражает ее исключительный характер, в связи с чем в принципе ни одно государство не может ссылаться на положение своего внутреннего права, касающегося компетенции заключать договоры, как на основание недействительности того или иного соглашения. Если таково положение вещей в сфере договорного права, то возникает вопрос о том, а нельзя ли воспользоваться этим же решением и в случае односторонних актов. Ссылаясь на заключение Постоянной палаты Международного Правосудия, вынесенное в 1932 году по делу об обращении с польскими гражданами на территории Данцига⁴⁴, следует, тем не менее, отметить, что в Конвенции

⁴³ Объяснение того, что понимается под явным нарушением, приводится в следующем пункте этой статьи, где говорится, что нарушение является явным, «если оно будет объективно очевидным для любого государства, действующего в этом вопросе добросовестно и в соответствии с обычной практикой». В этой связи см. T. Meron, “Article 46 of the Vienna Convention on the Law of Treaties (*Ultra vires Treaties*): Some Recent Cases”, 49 *B.Y.B.I.L.* (1978), págs. 175–199.

⁴⁴ P.C.I.J. Series A/B, No. 44, pág. 24, где говорится: «Тем не менее следует отметить, что если, с одной стороны, в соответствии с общепринятыми принципами государство не может в отношении другого государства ссылаться на положения Конституции этого другого государства, а лишь на нормы международного права и в надлежащей форме принятые международные обязательства, с другой стороны, и наоборот, государство не может в отношении другого государства ссылаться на свою собственную Конституцию, чтобы уклониться от выполнения обязательств, которые налагает на него международное право или действующие договоры. Следствием применения этих принципов к случаям, о которых идет речь, является то, что вопрос об обращении с польскими гражданами и

1969 года подход к этому вопросу является более акцентированным. Вероятно, это объясняется тем, что Комиссия международного права с учетом исторических прецедентов заняла более реалистичную позицию⁴⁵ и поэтому поняла, что необходимо оставить определенную возможность для проявления гибкости в особых случаях⁴⁶, которые рассматриваются в статьях, анализируемых нами в данном разделе. В принципе необходимо исходить из необходимости сохранения действительности договора и считать указанные случаи исключениями.

24. Необходимо изучить вопрос о возможности ссылки в качестве основания недействительности одностороннего акта на тот факт, что он был сформулирован с явным нарушением положения внутреннего права, имеющего основополагающее значение и относящегося к договорной сфере. Как уже отмечалось выше, проблема возникает в связи с тем, что в отличие от сферы международных договоров, где, как правило, положениями конституции регулируются механизмы и органы, принимающие участие в изъятии государственного согласия, этот вопрос как правило никак не регулируется в том, что касается односторонних актов.

другими лицами польского происхождения или владеющими польским языком должен решаться исключительно на основе норм международного права и положений действующих соглашений между Польшей и Данцигом».

⁴⁵ Вместе с тем см. *Ежегодник Комиссии международного права*, 1966 год, том. II, *Доклад Комиссии международного права Генеральной Ассамблеи за 1966 год*, пункт 7, где затрагивается этот вопрос и указывается, что «в практике государств существуют примеры заявлений о недействительности договоров по причинам, связанным с конституцией, однако ни в одном из таких случаев эти основания не были приняты другой стороной в споре. Кроме того, в трех случаях (принятие Люксембурга в Лигу Наций, случай с Политисом и вступление Аргентины) Лига Наций, как представляется, руководствовалась тем принципом, в соответствии с которым согласие, заявленное на международном уровне представителем государства, явно обладающим соответствующими полномочиями, не может стать недействительным в результате того, что впоследствии обнаружилось, что этот представитель не обладал конституционными полномочиями по принятию обязательств от имени своего государства».

⁴⁶ Историческим примером одностороннего акта, противоречащего императивным конституционным нормам, что сделало невозможным его осуществление, является дело *George Croft* с участием Португалии и Соединенного Королевства, которое было разрешено 7 февраля 1856 года. Об этом деле говорится в Coussirat-Coustère, V. у Eisemann, P.M., *Répertoire de la Jurisprudence Arbitrale Internationale, t. I.*, 1794–1918, (Dordrecht, Boston, Londres), 1989, на стр. 46 текста на английском языке: «Если в любой момент правительство Португалии или его юридический представитель дали правительству Великобритании в рамках обычных международных взаимоотношений обязательство по поводу того, что г-н Крофт должен получить помощь в получении удовлетворения его требований или что ему не будет предъявлено обвинение в этой связи, то нет никакого сомнения, что это породит абсолютно действительное право на получение удовлетворения или компенсации от португальской стороны, поскольку они представляют собой конституционные формы, признанные законодательством стран, в соответствии с которым принимаются международные обязательства одной страны по отношению к другой. Этого, однако, нельзя сказать в случае, из которого явствует лишь то, что правительство отдало распоряжение собственным властям в пользу иностранного субъекта, не приняв при этом до того никакого обязательства по отношению к правительству этого субъекта. Если в таком случае распоряжение не противоречит положениям конституции, что делает невозможным его осуществление, то по международному праву не допускается никакое требование к правительству о возмещении ущерба в связи с невыполнением этого распоряжения».

25. Три закрепленных в статье 46 Венской конвенции условия ссылки на недействительность договора являются следующими: 1) он затрагивает нормы внутреннего права особо важного значения, каковыми является конституция, а также действующие законы, образующие так называемый конституционный блок (необходимо понимать, что в случае применения этого условия к односторонним актам действительность должна касаться как момента формулирования соответствующего одностороннего акта, так и момента ссылки на недействительность); 2) второе условие касается нормы в отношении компетенции заключать договоры, причем эта фраза понимается в самом строгом смысле. Это положение, на наш взгляд, можно применить к односторонним актам с определенными оговорками, которые мы рассмотрим позднее; и 3) нарушение внутреннего права должно быть явным, т.е. быть очевидным для любого государства, которое обычно и добросовестно действует подобным образом⁴⁷.

26. Во втором докладе Специальный докладчик предложил статью, которая достаточно близко следует положениям Венской конвенции и содержит семь пунктов оснований недействительности одностороннего акта. Проект этой статьи гласил следующее:

**«Статья 7
Недействительность одностороннего акта**

Государство вправе ссылаться на недействительность одностороннего акта, если:

(...)

7. Согласие государства, берущего на себя обязательства посредством одностороннего акта, выражено в явное нарушение нормы его внутреннего права, имеющей основополагающее значение»⁴⁸.

27. Этот проект статьи носит менее ограничительный характер, чем статья 46 Венской конвенции, поскольку в нем предусматривается явное нарушение нормы, имеющей основополагающее значение, однако не содержится конкретного указания на то, что норма касается компетенции заявлять согласие (в данном случае в отношении односторонних актов)⁴⁹.

28. Проект статьи, который был представлен в следующем году в третьем докладе, носил еще более лаконичный характер, и основания недействительности определялись в пункте 8 статьи 5 следующим образом: «Односторонний акт формулируется в нарушение нормы внутреннего права формулирующего

⁴⁷ См. Т.О. Elias, "The Validity of Treaties", 134 *Rec. des Cours* (1971), págs. 357 y 358; а также доклад Комиссии международного права Генеральной Ассамблее за 1966 год, пункт 11. Комиссия пришла к выводу о том, что будет непрактичным и нецелесообразным пытаться заранее определить случаи, в которых нарушение внутреннего права можно считать «явным», поскольку это в значительной мере зависит от конкретных обстоятельств каждого случая.

⁴⁸ A/CN.4/500/Add.1, пункт 109.

⁴⁹ Во время прений, состоявшихся в Комиссии в ходе пятьдесят первой сессии, мнения ее членов по поводу этой статьи разделились: одни считали, что эта норма должна в большей степени соответствовать статье 46 Венской конвенции, а другие придерживались той точки зрения, что гибкость, которая должна быть присуща односторонним актам, необходимо отразить в этом положении. См. A/54/10, пункт 559.

его государства, имеющей основополагающее значение»⁵⁰. Такая формулировка вызвала различную реакцию в Комиссии, поскольку, как указано в докладе о работе ее пятьдесят второй сессии, «по мнению некоторых членов Комиссии, данный пункт в его нынешней редакции может толковаться как отдающий приоритет положениям внутреннего права над обязательствами по международному праву, а это неприемлемо. Некоторые члены Комиссии задались вопросом о том, не может ли этот пункт сам по себе привести к такой ситуации, когда какое-либо государство будет использовать положения своего собственного внутреннего права, для того чтобы уклониться от выполнения международных обязательств, которые оно взяло на себя на основании действительного одностороннего акта»⁵¹. Кроме того, одно из предложений, высказанных в ходе этих обсуждений, заключалось в том, что данный пункт следует сформулировать таким образом, чтобы подчеркнуть тот факт, что в момент формулирования акта была нарушена имеющая основополагающее значение норма внутреннего или конституционного права, касающаяся способности выполнять международные обязательства или формулировать юридические акты на международном уровне⁵². Если не последовать этому предложению, то из весьма общего характера проекта этой статьи может имплицитно вытекать, что любое нарушение нормы внутреннего права, безусловно имеющей основополагающее значение, может повлечь за собой недействительность одностороннего акта, со всеми вытекающими отсюда опасными последствиями.

29. Как это обсуждалось в Вене и было зафиксировано в Конвенции 1969 года, мы, безусловно, склоняемся в пользу того, чтобы принять более ограничительный подход к основаниям недействительности в целом и в частности к тому аспекту, который рассматривался выше. Интересы обеспечения правовой определенности требуют, чтобы государственные представители обладали правомочиями по принятию международных обязательств и таким образом односторонних актов. Кроме того, всегда существует возможность оспорить действительность соответствующего акта, что позволяет не только избежать серьезных последствий объявления о недействительности, но и дает возможность государствам предстать в гораздо более выгодном свете в том, что касается принятия обязательств и выполнения обещаний⁵³.

⁵⁰ См. A/CN.4/505, пункт 167.

⁵¹ *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят пятая сессия, Дополнение № 10 (A/55/10)*, пункт 602.

⁵² Там же, пункт 603.

⁵³ Интересное дело в этой связи было разрешено Конституционным судом Гватемалы в его постановлении от 3 ноября 1992 года, в котором он утвердил действительность ряда решений, принятых президентом Республики Хосе Серрано Элиасом о признании Белиза и установлении дипломатических отношений с этой страной. Исторические трения между Гватемалой и Белизом явились причиной того, что в переходные положения Конституции Гватемалы 1985 года была включена статья 19.1, которая гласит следующее: «Исполнительная власть уполномочена принимать меры, направленные на урегулирование положения с правами Гватемалы в отношении Белиза с учетом национальных интересов. Любое окончательное соглашение должно быть вынесено Конгрессом Республики на всенародное обсуждение, предусмотренное в статье 173 Конституции». Этот вопрос касался того, должно ли признание Белиза Гватемалой считаться «окончательным соглашением», и если да, то следовало ли в этой связи считать недействительными заявления и последствия действий президента. Большинство судей, участвовавших в принятии этого решения Конституционного суда, склонялось в пользу того, чтобы считать этот акт признания результатом преобразований, прошедших в результате получения

30. С учетом сказанного выше можно сформулировать следующий руководящий принцип в отношении соответствия одностороннего акта нормам внутреннего права:

«Недействительность одностороннего акта, противоречащего норме внутреннего права соответствующего государства, имеющей основополагающее значение

Государство-автор одностороннего акта не может ссылаться на нарушение нормы своего внутреннего права в качестве основания недействительности кроме как в случае, когда речь идет о норме его внутреннего права, имеющей основополагающее значение, и когда такое нарушение носит явный характер».

ii) *Специальное ограничение правомочий на выражение согласия государства*

31. Рассматриваемый нами вопрос непосредственно касается статьи 47 Венской конвенции, озаглавленной «Специальные ограничения правомочия на выражение согласия государств», которая гласит: «Если правомочие представителя на выражение согласия государства на обязательность для него конкретного договора обусловлено специальным ограничением, то на несоблюдение представителем такого ограничения нельзя ссылаться как на основание недействительности выраженного им согласия, если только другие участвовавшие в переговорах государства не были уведомлены об ограничении до выражения представителем такого согласия».

32. Эта концепция является еще более ограничительной по сравнению с рассматривавшейся выше статьей 46. По мнению Нахлика, который говорит об обеих концепциях, это, безусловно, означает, что «...практические случаи ссылки на одну из этих двух статей будут крайне редкими»⁵⁴. Вместе с тем применение идеи, изложенной в статье 47, не может *in toto* экстраполироваться на односторонние акты с учетом уже упомянутых особенностей этих актов, ко-

независимости этой территории от Великобритании, и что его нельзя считать окончательным в том смысле и с теми последствиями, которые предусматриваются в Конституции. Вместе с тем Председатель и два члена Суда заняли иную позицию в своем «мотивированном особом мнении»; согласно мнению Гонсалеса Веги, который придерживался той же позиции, что и это меньшинство, при отсутствии мнения Конгресса Республики и народа акт признания Белиза не является решением государства и в связи с этим не может иметь никаких правовых последствий и следовательно не подлежит осуществлению. В этой связи автор настоящего доклада поддерживает следующую мысль: «Таким образом, этим объясняются четкие последствия, отстаиваемые меньшинством членов Конституционного суда, — недействительность акта признания и соответственно его отзывность в связи с тем, что он был принят органом, не имеющим на то полномочий по смыслу Конституции Гватемалы». Вероятно, существовало множество факторов, которые мотивировали такое решение Конституционного суда: быстрое изменение международной обстановки и нежелание ставить под сомнение позицию Гватемалы в результате заявления ее самого высокого представителя. По этому вопросу см. J.A. González Vega, “El reconocimiento de Belice ante la Corte de Constitucionalidad de Guatemala: la sentencia de 3 de noviembre de 1992”, 45 R.E.D.I. (1993), págs. 580–585. Другой пример такого рода приводится в восьмом докладе (A/CN.4/557, пункты 13–35, касающийся ноты министра иностранных дел Колумбии 1952 года относительно группы островов Лос-Монхес).

⁵⁴ См. S. E. Nahlik, “The Grounds of Invalidity and Termination of Treaties”, 65 *A.J.I.L.* (1971), pág. 741.

торые по сути обладают собственным механизмом формулирования. В отличие от международных договоров, где представитель государства имеет возможность довести до сведения представителей другого государства смысл ограничения на выражение своего согласия, сама суть односторонних актов, которая не допускает наличия других договаривающихся сторон, лишает указанное положение смысла. Фактически в числе оснований недействительности, упомянутых во втором и третьем докладах, этот аспект не упоминался как таковой, что, однако, предусматривает ссылку на одну из изначальных предпосылок данного проекта статей, касающуюся возможности подтверждения одностороннего акта, о чем говорилось выше.

33. В это положение были включены два аспекта, аналогичные Венской конвенции: указание на принятие обязательств от имени государства на международном уровне (что по сути присуще односторонним актам, хотя может быть применимым и к праву международных договоров) и положения, касающегося обязательного подтверждения.

34. На основании сказанного выше представляется следующий проект руководящего принципа при том понимании, что он может считаться излишним, поскольку уже существует руководящий принцип, касающийся подтверждения или признания акта, представленный на рассмотрение Рабочей группе:

«Недействительность акта, сформулированного лицом, не имеющим на то полномочий

Односторонний акт, сформулированный лицом, не имеющим на то полномочий или правомочий, может быть объявлен недействительным без ущерба для возможности подтверждения этого акта соответствующим государством в соответствии с руководящим принципом 4».

b) Основания недействительности, связанные с выражением согласия

35. Все рассмотренные в этом разделе возможные основания недействительности имеют ту общую особенность, что они представляют собой порок при выражении соглашения на обязательность одностороннего акта. Отправным пунктом опять-таки служит Венская конвенция 1969 года. Три таких основания (ошибка, обман и принуждение) происходят от римской традиции и были включены в Конвенцию прежде всего исходя из двух следующих соображений — оба они являются своего рода гарантией безопасности в том случае, когда возникает одно из таких обстоятельств, хотя это и происходит редко. Их включение также исключает любые споры по поводу неисчерпывающего характера Конвенции в отношении оснований недействительности, что таким образом не дает возможности государствам изыскивать другие возможные основания недействительности. Ниже мы рассмотрим каждое из этих оснований.

i) Ошибка

36. Комиссия в докладе, представленном Генеральной Ассамблее в 1966 году, в котором содержался проект статей о праве международных договоров с соответствующими комментариями, указала, что «редки те случаи, когда выдвигаются ссылки на ошибки, касающиеся существа, в качестве оснований, снижающих основную действительность договора. Почти все известные случаи

такого рода касаются географических ошибок, а большинство из них — картографических ошибок»⁵⁵. Если это положение справедливо для договорной сферы, то оно также может выполняться и для односторонних актов.

37. Как в международной практике ссылки на ошибку в качестве механизма, позволяющего заявлять о недействительности, так и в судебной практике в этой области существует ограниченное число примеров, хотя можно найти некоторые разъяснения; так, в деле о правовом статусе Восточной Гренландии судья Анцелотти в своем особом мнении указал: «Совершенно иным является вопрос о том, является ли заявление министра иностранных дел Норвегии ошибочным по той причине, что оно было сделано при незнании того, что расширение суверенитета Дании повлечет за собой соответствующее расширение режима монополии и закрытия страны... На мой взгляд, не было никакой ошибки, и молчание правительства Дании по так называемому вопросу о монополии отсутствие каких-либо замечаний или оговорок в ответе г-на Ихлена просто объясняются характером этого шага, предпринятого в целях достижения будущего урегулирования. Если же, тем не менее, предположить, что г-н Ихлен ошибочно истолковал последствия, к которым привело бы расширение суверенитета Дании, то необходимо признать, что эта ошибка не может повлечь за собой недействительность договора. *Любая ошибка должна быть простительной; трудно допустить, чтобы правительство не знало о законных последствиях расширения суверенитета*; я добавлю, что из всех правительств правительство Норвегии в последнюю очередь могло не знать датские методы управления Гренландией и роль, которую там играет режим монополии и закрытия страны»⁵⁶.

38. В целом можно отметить, что для установления ошибочности согласия государств в рамках договора ошибка должна касаться вопроса, который представлял собой существенную основу для его согласия на обязательный характер такого договора. На наш взгляд, это решение должно быть применимым *mutatis mutandis* к односторонним актам государств⁵⁷.

39. Во втором докладе Комиссии было предложено положение, почти идентичное статье 48 Венской конвенции, касающейся ошибки, хотя в нем основные особенности такой ошибки рассматривались следующим образом:

«Государство вправе ссылаться на недействительность одностороннего акта, если:

1. согласие государства, формулирующего такой акт, было выражено на основе ошибки, касающейся факта или ситуации, которые, по предположению этого государства, существовали в момент его формулирования, и такие факты или ситуация представляли собой существенную основу для его согласия на обязательность для него данного акта. Вышесказанное не применяется, если государство своим поведением способствовало возникновению этой ошибки или если

⁵⁵ См. *Ежегодник Комиссии международного права*, 1966 год, том II, стр. 266–267 текста на испанском языке.

⁵⁶ Выделена Специальным докладчиком; см. *C.P.J.I., Série A/B*, No. 53, pág. 92.

⁵⁷ Как на это указал А. Оресон в *L'erreur dans les traités*, Paris, 1972, pág. 39.

обстоятельства были таковы, что это государство должно было обратить внимание на возможную ошибку»⁵⁸.

40. В Комиссии высказывались различные мнения, касающиеся, например, необходимости чуть более отойти от Венской конвенции с учетом различий между односторонними актами и международными договорами⁵⁹; также говорилось о том, что не следует использовать термин «согласие» в связи с его коннотацией, которая слишком тесно связана с правом международных договоров⁶⁰. Последняя мысль была отражена в третьем докладе, в котором этот проект статьи остался без изменений, за исключением его вводной части, где вместо выражения «если согласие государства на формулирование акта проявилось», которое использовалось ранее, была включена фраза «если акт был сформулирован на основе»⁶¹.

41. В общем-то мы считаем, что ошибка в качестве обстоятельства, которое может повлечь за собой недействительность одностороннего акта, должна иметь существенное значение для поведения государства и затрагивать также необходимую добросовестность, т.е. быть непосредственно связанной с тем, что государство, ссылающееся на предполагаемую недействительность, не способствовало своим поведением возникновению указанной ошибки. Такая ошибка в конечном итоге должна препятствовать возможным попыткам освободить государство от обвинений в том, что оно пытается отказаться от своих обязательств, принятых на международном уровне.

42. На ошибку должно ссылаться государство, которое сформулировало односторонний акт и совершило такую ошибку, хотя возможна гипотетическая ситуация, когда третье государство-бенефициар одностороннего акта с учетом конкретных обстоятельств, вызывавших такую ошибку, может довести эти обстоятельства до сведения государства, взявшего на себя обязательство. Такие случаи крайне редки, однако не исключено, что ошибка могла быть вызвана обманным поведением третьей стороны, в связи с чем возникнут два возможных основания недействительности, которые лишат смысла соответствующий односторонний акт, если не возникнет случая, когда в результате конкретных обстоятельств и воли государства возникнет необходимость сохранить действительность этого акта путем его подтверждения.

43. В связи с этим возможным основанием недействительности предлагается следующий руководящий принцип, который соответствует первому пункту соответствующей статьи и после которого в соответствующих разделах будут изложены другие основания недействительности с соответствующими пояснениями:

«Недействительность односторонних актов

1. а) Государство-автор одностороннего акта не может ссылаться на ошибку в качестве основания, позволяющего объявить указанный односторонний акт недействительным, кроме как в случае, когда та-

⁵⁸ A/CN.4/500/Add.1, пункт 109, пункт 1 статьи 7.

⁵⁹ Было отмечено, что ошибку, совершенную государством при формулировании заявления, проще исправить, чем ошибку, касающуюся международного договора, поскольку первые в отличие от вторых носят более гибкий и спонтанный характер. См. A/54/10, пункт 555.

⁶⁰ См. A/55/10, пункт 593.

⁶¹ См. A/CN.4/505, пункт 167.

кой акт был сформулирован на основе ошибки, касающейся факта или ситуации, которые, по предположению этого государства, существовали в момент его формулирования, и такой факт и такая ситуация представляли собой существенную основу для его согласия на обязательность для него данного одностороннего акта.

б) Вышесказанное не применяется, если государство-автор своим поведением способствовало возникновению этой ошибки или если обстоятельства были таковы, что оно должно было обратить внимание на возможность такой ошибки»⁶².

ii) *Обман*

44. В статье 49 Венской конвенции указывается: «Если государство заключило договор под влиянием обманных действий другого участвовавшего в переговорах государства, то оно вправе ссылаться на обман как на основание недействительности своего согласия на обязательность на него договора». Таким образом, следует отметить, что если такое основание недействительности применимо к международным договорам, то оно *mutatis mutandis* применимо к односторонним актам. Как указывает Сико, как обман⁶³, так и ошибка являются основаниями недействительности, которые в полной мере применимы к односторонним актам. Вероятно, совместное упоминание этих явлений объясняется тем, что между ними существуют незначительные отличия, как мы неоднократно видели на примерах из доктрины⁶⁴.

45. Если принять такое основание недействительности в отношении односторонних актов, то к нему должны применяться те же условия, которые предъявляются к обману в договорной сфере. Ремиро Бротон отмечает три категории, которым должно соответствовать поведение третьей стороны, чтобы его можно было считать обманным и объявить недействительным соответствующий акт: а) материальный элемент, который в качестве обманного поведения, по мнению Комиссии, включает «любое ложное заявление, любое неточное изложение фактов и другие обманные действия»; б) психологический элемент — намерение и цель ввести в заблуждение (в контексте односторонних актов — это намерение побудить государство взять на себя указанный акт или выполнить указанное обязательство, независимо от его характера); и с) результат, получен-

⁶² В качестве формулы, которая позволяет ссылаться на ошибку другим государствам, а не только тому, которое сформулировало односторонний акт, вниманию Комиссии можно предложить следующую: «Допускается ссылка на ошибку в качестве основания, позволяющего объявить недействительным односторонний акт, если такой акт был сформулирован на основе ошибки, касающейся факта или ситуации, которые, по предположению этого государства, существовали в момент его формулирования, и такой факт или такая ситуация представляли собой существенную основу для его согласия на обязательность для него данного одностороннего акта».

⁶³ См. J.-D. Sicault, “Du caractère obligatoire des engagements unilatéraux en droit international public”, 83 *R.G.D.I.P.* (1979), pág. 667, где указывается, что «действительно надо признать, что если автор одностороннего обязательства был вынужден взять это обязательство в результате обманного поведения другого субъекта международного публичного права, то он может ссылаться на обман в качестве основания отказа от согласия быть связанным своим обязательством».

⁶⁴ См. А. Оraison, “Le dol dans la conclusion des traités”, 75 *R.G.D.I.P.* (1971), pág. 622.

ный в результате обманных действий. В этой связи необходимо отметить, что обман должен быть существенным⁶⁵.

46. В сфере односторонних актов представленное Комиссии предложение во втором докладе изложено в пункте 2 бывшего проекта статьи 7, в соответствии с которым государство вправе ссылаться на недействительность акта, если «государство сформулировало такой акт под воздействием обманных действий другого государства»⁶⁶. В свое время было даже дополнительно указано, что «обман может произойти даже вследствие упущения, когда государство, которому известны определенные обстоятельства, не сообщает о них, под влиянием чего, государство совершает определенный правовой акт»⁶⁷. Этот последний момент, тем не менее, вызвал различного рода критику со стороны некоторых членов Комиссии, которые считали, что такое толкование может осложнить «некоторые из принятых методов, с помощью которых государство проводит свою внешнюю политику и убеждает другие государства присоединиться к такой политике»⁶⁸. Именно деятельность по толкованию должна обеспечить возможность провести различия между ситуациями, когда это является обманом и когда нет.

47. Пункт 2 предлагаемого руководящего принципа, касающегося оснований недействительности, сформулирован следующим образом:

(продолжение)

«2. Допускается ссылка на обман в качестве основания, позволяющего объявить односторонний акт недействительным, если государство-автор сформулировало такой акт под воздействием обманных действий другого государства».

iii) Подкуп представителя

48. Хотя это положение было на более позднем этапе включено в проект статей, который лег в основу Венской конвенции, поскольку сначала считалось, что такое основание недействительности может быть связано с обманом, в конечном итоге его было решено включить в статью 50, которая гласит: «Если согласие государства на обязательность для него договора было выражено в результате прямого или косвенного подкупа его представителя другим участвовавшим в переговорах государством, то первое государство вправе ссылаться на такой подкуп как на основание недействительности его согласия на обязательность на него такого договора». Безусловно, сама смысловая нагрузка, вытекающая из термина «подкуп», требует концептуального уточнения; к подкупу нельзя отнести обычные награды и проявления гостеприимства, принятые и обычные в дипломатической практике, здесь требуется что-то дополнительное⁶⁹. Отсутствие прецедентов, вероятно, объясняется тем, что государства не

⁶⁵ См. A. Remiro Brotóns, *op. cit.*, pág. 435.

⁶⁶ См. A/CN.4/500/Add.1, пункт 109 и практически аналогичную формулировку в проекте статьи 5.2, содержащемся в третьем докладе (A/CN.4/505, пункт 167).

⁶⁷ См. A/CN.4/500/Add.1, пункт 136.

⁶⁸ См. A/54/10, пункт 555.

⁶⁹ См. определение термина «подкуп» в докладе КМП Генеральной Ассамблеи за 1966 год, том II, стр. 268 текста на испанском языке, пункт 4, где указывается, что «лишь преднамеренные действия, имеющие целью оказать существенное влияние на решение представителя по заключению договора, могут считаться наносящими ущерб согласию,

стремятся признавать, что их представитель допустил нечто подобное при изъятии согласия⁷⁰.

49. В отношении односторонних актов это возможное основание недействительности может играть почти такую же роль, что и в сфере международных договоров; анализируя термины, которые фигурируют в том же втором докладе, можно отметить, что в нем существуют определенные ограничения, которые были устранены в третьем докладе. Предлагаемая тогда статья (пункт 3 статьи 7) гласила следующее:

«Государство вправе ссылаться на недействительность одностороннего акта, если:

(...)

3. Согласие государства, берущего на себя обязательства посредством одностороннего акта, было получено в результате прямого или косвенного подкупа его представителя другим государством»⁷¹.

50. Выражение «если согласие государства, берущего на себя обязательства» ограничивает сферу применения проекта статей, содержащегося в третьем докладе, и было изменено следующим образом: «Акт был сформулирован в результате прямого или косвенного подкупа совершающего его лица другим государством»⁷². Первая часть предложения повторяет внесенные изменения, и в данном случае в нем говорится о том, что «если акт был сформулирован» и термин «представитель» заменяется на «совершающее его лицо», что является более общим выражением, однако открывает более широкие возможности для неопределенности.

51. Безусловно, основание такого рода является необходимым и полезным с учетом международной реальности, которая может способствовать принятию актов такого рода. Некоторые члены Комиссии выступили в поддержку включения такого положения с учетом необходимости глобальной борьбы с этим явлением, о которой говорилось в Межамериканской конвенции против коррупции, принятой в Каракасе 29 марта 1996 года⁷³, а также в Конвенции, принятой Советом Европы 27 января 1999 года об уголовной ответственности за коррупцию, и Дополнительном протоколе к ней 2003 года⁷⁴. Другой интересный аспект, о котором говорила Комиссия в своем докладе Генеральной Ассамблеи в 2000 году, касается предложения относительно необходимости ограничения возможности подкупа в случае «прямых или косвенных действий со стороны другого государства». В данном случае речь идет о явлении, которое,

которое должен выразить представитель от имени государства», однако не «любая маленькая услуга или любезность», которые ему оказываются в целях заключения такого договора.

⁷⁰ Как указывает И. Синклер, в *The Vienna Convention on the Law of Treaties*, 2nd ed., Manchester, 1984, pág. 175: «Нет никакого сомнения в существовании практической гарантии, связанной с тем, что государство не будет стремиться признавать, что его собственные представители стали жертвой подкупа».

⁷¹ См. A/CN.4/500/Add.1, пункт 109.

⁷² См. A/CN.4/505, пункт 167.

⁷³ С текстом этой Конвенции, а также с положением в области ее ратификации можно ознакомиться на Интернетe по адресу <http://www.oas.org>.

⁷⁴ С ее текстом и всеми изменениями можно ознакомиться на Интернетe по адресу <http://conventions.coe.int>.

безусловно существует в рамках сегодняшних международных отношений, учитывая колоссальную власть, которую могут получить определенные органы, и «нельзя сбрасывать со счетов возможность того, что лицо, формулирующее односторонний акт, оказалось подкупленным другим лицом или компанией»⁷⁵.

52. С учетом сказанного выше предлагаемый руководящий принцип (пункт 3 упомянутого принципа) можно сформулировать следующим образом:

(продолжение)

«3. Допускается ссылка на подкуп представителя государства в качестве основания, позволяющего объявить недействительным односторонний акт, если такой акт был сформулирован в результате подкупа совершающего его лица».

iv) Принуждение

53. Наряду с ошибкой и подкупом и их разновидностями, которые мы рассмотрим ниже, принуждение является третьим основанием недействительности, предусмотренным в Венской конвенции 1969 года, которое вытекает из укоренившейся традиции Римского права. В Венской конвенции проводятся различия между двумя разными видами принуждения — принуждение представителя государства (статья 51) и принуждение самого государства посредством угрозы силой или ее применения (статья 52). Как представляется, обе эти формы в полной мере применимы к односторонним актам государств.

a. Принуждение представителя государства

54. На практике можно отметить некоторые случаи, когда принуждение представителя государства, в том числе путем угрозы его жизни, становилось причиной заключения соглашений и даже осуществления действий, которых бы не было в отсутствие такого принуждения⁷⁶. Термин «принуждение», которое должно оказываться на представителя государства (в качестве лица, а не представителя государства), охватывает множество ситуаций различного рода, к которым, как указала сама Комиссия в комментариях к статьям, относятся «все формы запугивания или насилия», затрагивающие как его физическую неприкосновенность, так и свободу, профессиональную карьеру, имущество, социальный или семейный статус потерпевшего и т.д.

55. В сфере международных договоров одна из главных особенностей, которая отличает это основание от подкупа, заключается в том, что принуждение может осуществляться любой стороной, в то время как подкуп может осуществ-

⁷⁵ См. *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят пятая сессия, Дополнение № 10 (A/55/10)*, пункт 594.

⁷⁶ Интересный пример в этом отношении приводится в A. Remiro Brotóns, *op. cit.*, pág. 438. «После того как 20 апреля он оказался в тюрьме Карлу IV под угрозой казни его отца по обвинению в государственной измене было предложено отречься от престола, что он и сделал 6 мая. За день до этого в обмен на денежную компенсацию Карл IV отказался от своих прав в пользу Наполеона, который в свою очередь уступил их своему брату Жозефу. Эти действия были сочтены недействительными вследствие наличия *обмана и насилия* Кадисским судом, который впоследствии в 1811 году принял постановление о недействительности любого обязательства, принятого Фернандом VII во время его заключения в Валенсии».

вляться лишь другим государством, участвующим в переговорах. В сфере односторонних актов представляется целесообразным использовать оба этих аспекта двух упомянутых оснований, поскольку ничто не препятствует возможности подкупа со стороны юридических или физических лиц, которые по сути не являются государствами, однако обладают возможностью по оказанию давления в целях подкупа представителя, чтобы заставить его взять на себя обязательство, которое он бы не принял при отсутствии такого подкупа.

56. Возможно, не следует чрезмерно ограничивать это основание недействительности, как это было сделано в проекте статьи 7, представленном во втором докладе, где допускалась возможность ссылки на недействительность одностороннего акта, если «согласие государства, берущего на себя обязательства посредством одностороннего акта, было получено путем принуждения его представителя действиями или угрозами, направленными против него»⁷⁷. В свою очередь выражение «направленными против него» можно толковать в том смысле, что принуждение также может быть направлено — более удобный термин в отличие от принуждения, сопровождающегося элементом физического насилия, который может и отсутствовать, — против его прямых личных интересов (например, имущества или семьи), что может способствовать достижению результата, на который и было направлено принуждение.

57. В предложение, которое было сформулировано в следующем году, были внесены некоторые изменения, аналогичные положениям, касающимся подкупа, однако с сохранением общего характера остальных указанных выше элементов; это предложение было сформулировано следующим образом: «если формулирование акта явилось результатом принуждения совершающего его лица в виде действий или угроз, направленных против него»⁷⁸. Комиссия отметила слишком общий характер этого основания недействительности, указав, что «использование принуждения в отношении лица, формулирующего акт, является особым случаем, поскольку в таких обстоятельствах соответствующее лицо не выражает волю государства, которое оно предположительно должно представлять, а волю государства, использующего принуждение. Без волеизъявления юридический акт не существует, и если не существует акта, то нет и объекта, который следует объявить недействительным. В то время как другие пункты представляют собой случаи *negotium nullum*, данный пункт представляет собой случай *non negotium*»⁷⁹. Таким образом, из этого следует изначальная недействительность в связи с тем, что, поскольку отсутствует сам акт, он является недействительным с самого его начала.

58. Предлагаемый руководящий принцип в рамках принципа, касающегося оснований недействительности, можно сформулировать следующим образом:

(продолжение)

«4. Допускается ссылка на принуждение в отношении лица, совершившего односторонний акт, в качестве основания недействительности такого акта, если это лицо сформулировало его в результате действий или угроз, направленных против него».

⁷⁷ A/CN.4/500/Add.1, пункт 109.

⁷⁸ A/CN.4/505, пункт 167.

⁷⁹ *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят пятая сессия, Дополнение № 10 (A/55/10)*, пункт 595.

b. Принуждение государства посредством угрозы силой или ее применения

59. Это основание является самым важным и *современным* основанием недействительности договоров, появление и развитие которого связано с запретом применения силы и угрозы ее применения в международных отношениях, что позволило изжить один из традиционных механизмов приобретения территории (аннексия), которая, как правило, запрещается международным договором. Вместе с тем возникает ряд вопросов, связанных непосредственно с этим основанием недействительности. Первое из них касается вида силы, о которой говорится в статье 52 Венской конвенции; Декларация, которая была включена в Заключительный акт Конференции и отражает позицию значительной группы государств (в частности группы развивающихся стран), свидетельствует о том, что в данном случае сторонники более широкого толкования концепции силы не согласились с ограничительной концепцией, которой в конечном итоге было отдано предпочтение⁸⁰. Хотя, безусловно, возникает вопрос о целесообразности сохранения той же концепции силы, которая была принята в 1969 году, применительно к современному международному контексту, или же для целей экстраполяции этой идеи на возможные односторонние акты, что в данном случае представляет собой более широкий подход.

60. Во-первых, во втором докладе практически полностью за исключением заголовка были повторены положения Венской конвенции; так, в качестве основания недействительности в нем указывалось на ситуацию, которая возникнет, если «формулирование одностороннего акта явилось результатом угрозы силой или применения силы в нарушение принципов международного права, воплощенных в Уставе Организации Объединенных Наций»⁸¹.

61. В ходе состоявшихся в Комиссии обсуждений было предложено ввести еще одно основание недействительности, а именно — формулирование односторонних актов в нарушение резолюции Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, принятой в соответствии с главой VII Устава, например принятие акта о признании с нарушением резолюции Совета Безопасности, в которой членам Организации предлагается не признавать то или иное образование в качестве государства⁸². В соответствии с этим предложением в третьем докладе было предложено считать односторонний акт недействительным, если «односторонний акт в момент его формулирования противоречит решению Совета Безопасности»⁸³, без дальнейших уточнений.

62. В самой Комиссии возникли горячие споры по вопросу о включении этого пункта — некоторые ее члены выступили в пользу его включения, тогда как другие предложили более ограничительную формулировку, а третьи считали, что от него нужно отказаться. Безусловно, могут возникнуть случаи, когда од-

⁸⁰ См. A/CONF.39/11/Add.2. Как указывает С.Е. Нахлик в loc. cit., pág. 744, он является результатом компромисса между обеими позициями, в результате которого статья 52 Конвенции была ограничена случаями, определенными в запретительных положениях, как это вытекает из принципов, провозглашенных в Уставе Организации Объединенных Наций.

⁸¹ См. A/CN.4/500/Add.1, пункт 109.

⁸² *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят четвертая сессия, Дополнение № 10 (A/54/10)*, пункт 560. С таким предложением выступил Дж. Дугард, см. A/CN.4/SR.2595, а также представитель Польши в Шестом комитете, см. A/C.6/54/SR.25.

⁸³ См. A/CN.4/505, пункт 167.

носторонний акт будет противоречить какому-либо последующему решению Совета Безопасности; это вовсе необязательно должно повлечь за собой недействительность этого одностороннего акта, а может лишь явиться причиной приостановки осуществления этого акта на время действия решения, например в случае санкции, введенной Советом Безопасности⁸⁴. Возможно, следует задать вопрос о том, а нельзя ли включить этот аспект, касающийся решений Совета Безопасности, в число императивных норм, имеющих обязательный характер для государств. Такое понимание может вытекать из статей 2.6, 25 и 103 Устава⁸⁵, что сделает недействительными односторонние акты, принятые в нарушение нормы такого рода, приостановит осуществление актов, принятых до ее принятия, вплоть до того момента, когда это решение утратит свою силу. Комиссии следует самым подробным образом проанализировать этот вопрос и принять решение по поводу включения такого основания недействительности.

63. Другой вопрос, имеющий непосредственное отношение к применению силы и современной нормативной сфере, касается признания ее роли. В данном случае мы сталкиваемся с явлением, которое в доктрине называется «ограничениями в отношении свободы признания». Одно из таких наиболее важных ограничений, которое может иметь отношение к рассматриваемой нами теме, касается непризнания государств, образовавшихся в результате интервенции или применения силы⁸⁶.

64. В сборниках по практике приводятся различные случаи, которые касаются многих обстоятельств, связанных с признанием, например: дело *Fritz Jellinek et autres c. Victor G. Lévy*, разрешенное Сенским коммерческим трибуналом в постановлении от 18 января 1940 года, в котором он отказался считать действительным конфискацию имущества и другие акты, которые в том числе влекли за собой применение силы со стороны Германии против Чехословакии⁸⁷; па-

⁸⁴ *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят пятая сессия, Дополнение № 10 (A/55/10)*, пункт 601.

⁸⁵ Безусловно, толкование этих статей не является буквальным в строгом смысле; так, например, статья 103 Устава, чтобы быть применимой в данном случае, должна также охватывать обязательства, принятые в силу односторонних актов, а не только в договорной сфере. Эта статья гласит: «В том случае, когда обязательства Членов Организации по настоящему Уставу окажутся в противоречии с обязательствами по какому-либо другому международному соглашению, преимущественную силу имеют обязательства по настоящему Уставу». Из этого положения логично следует, что односторонний акт, вступающий в противоречие с положением такого рода, является недействительным. В этой связи в статье 25 Устава, в которой говорится, что «члены Организации соглашаются, в соответствии с настоящим Уставом, подчиняться решениям Совета Безопасности и выполнять их», четко определяется характер таких решений. Более того если мы обратимся к положениям, касающимся поддержания международного мира и безопасности, то в Уставе определяется даже его применение и к другим государствам, которые не являются членами Организации, число которых в настоящее время крайне незначительно. В статье 2.6 говорится следующее: «Организация обеспечивает, чтобы государства, которые не являются ее Членами, действовали в соответствии с этими Принципами, поскольку это может оказаться необходимым для поддержания международного мира и безопасности».

⁸⁶ В этой связи см. A.J. Rodríguez Carrión, *Lecciones de Derecho Internacional Público*, 5ª ed., Madrid, 2002, pág. 92, где говорится о таких ограничениях, а также приводится ряд соответствующих примеров.

⁸⁷ В котором указывается, что «Французские суды не могли позволить, чтобы на территории Республики не имели никаких последствий акты насильственной экспроприации,

рижский суд в постановлении от 21 июля 1953 года (по делу *Administration des Domaines c. Dame Sorkin*) указал на отсутствие юридических последствий аннексии и оккупации с помощью силы⁸⁸, подтвердив тем самым предыдущее решение палаты уголовного производства кассационного суда от 24 июля 1946 года (дело *Wagner y otros*)⁸⁹, а также многие другие судебные решения⁹⁰. В числе некоторых других более поздних случаев можно назвать следующие: отказ от признания аннексии Голанских высот Израилем, а также последующие протесты⁹¹; прямая оппозиция созданию турецко-киприотского государства⁹²; или оккупация Кувейта Ираком⁹³.

65. Несмотря на это, такая позиция в прошлом претерпевала определенные изменения: в некоторых случаях возникали несколько запутанные ситуации в том, что касается признания, например в отношении Манчжоу-Го, поскольку многие государства — члены Лиги Наций поддерживали торговые отношения и обеспечивали определенное признание актов этого образования, несмотря на

осуществлявшиеся немецким рейхом в отношении так называемых граждан неарийского происхождения на этом единственном основании и без соответствующей компенсации». См. A.Ch. Kiss, *Répertoire de la pratique française en matière de Droit International Public (1790–1958)*, Paris, t. I, pág. 29.

⁸⁸ См. A.Ch. Kiss, *op. cit.*, t. I, pág. 28: «Безусловно, учитывая, что Аушвиц или, точнее, Освенцим находится на территории Польши, местным законом в данном случае является закон Польши, который юридически не может перестать существовать в силу фактической аннексии или насильственной оккупации».

⁸⁹ Где указывается следующее: «Ввиду того, что упоминаемое заявление об аннексии Эльзаса Германией являлось лишь односторонним актом, который юридически не может изменить положения договора, подписанного в Версале 28 июня 1919 года представителями германского государства». См. A.Ch. Kiss, *op. cit.*, t. I, pág. 29.

⁹⁰ В *op. cit.*, t. I, de A.Ch. Kiss, págs. 30–34, воспроизводятся различные постановления французских судов, в которых подтверждаются изложенные выше идеи.

⁹¹ Об отказе от признания было заявлено на различных форумах Соединенными Штатами Америки, министрами иностранных дел стран Сообщества, правительствами арабских государств, Советом Безопасности, Генеральной Ассамблеей, ежегодной ассамблеей Всемирной организации здравоохранения и т.д. (см. 86 *R.G.D.I.P.* (1982), pág. 598 y 52 *V.Y.B.I.L.* (1981), pág. 516).

⁹² Когда было объявлено об образовании турецко-киприотского государства на севере острова 15 ноября 1983 года, Киприотско-турецкая ассамблея выступила со следующим заявлением: «Сосуществование двух населяющих остров народов — греков и турок — их общая судьба. Новая республика не будет присоединена ни к какому другому государству. Она будет неприсоединившейся. Объявление независимости не помешает, а наоборот — будет способствовать созданию подлинной конфедерации». Это заявление получило признание Турции и решительное осуждение со стороны Греции, Великобритании, Франции, Федеративной Республики Германии, Италии, Соединенных Штатов Америки, Канады, Австралии, Индии, Японии, Союза Советских Социалистических Республик и государств социалистического лагеря. Совет Безопасности Организации Объединенных Наций и Совет Европы выступили с осуждением указанного заявления (первый в резолюции 541 (1983 год) заявил, что оно не имеет юридической силы и объявил его недействительным) (88 *R.G.D.I.P.* (1984), pág. 432).

⁹³ 8 августа 1990 года информационное управление министерства иностранных дел выступило со следующим заявлением: «Правительство Испании в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций считает недопустимым приобретение территорий с помощью силы и, таким образом, отвергает и не признает аннексию Государства Кувейт Иракской Республикой, о которой сегодня было объявлено в Багдаде» (*Actividades, Textos y Documentos de la Política Exterior Española* (1991), pág. 53, а также 43 *R.E.D.I.* (1991), pág. 144).

осуждение со стороны Организации⁹⁴; вместе с тем достаточно часто встречаются случаи, когда в практике (как правило, национальных судов) принимались решения против признания некоторых аннексированных территорий, особенно после Второй мировой войны, и такая аннексия считалась недействительной и таким образом не имеющей юридической силы⁹⁵. В той или иной мере этот вопрос также непосредственно связан со следующим пунктом, в котором говорится о предполагаемой недействительности одностороннего акта, противоречащего императивной норме.

66. Руководящий принцип, также относящийся к тому же принципу о недействительности, можно было бы сформулировать следующим образом:

(продолжение)

«5. Является недействительным любой односторонний акт, сформулированный в результате угрозы силой или применения силы в нарушение принципов международного права, воплощенных в Уставе Организации Объединенных Наций».

с) Недействительность вследствие противоречия одностороннего акта норме *jus cogens*

67. основополагающим ограничением для возможности формулировать односторонние акты являются нормы *jus cogens*⁹⁶; в соответствии с этим любой односторонний акт, противоречащий таким нормам, является недействительным согласно общей и опять-таки применимой *mutatis mutandis* формулировке, закрепленной в статье 53 Венской конвенции о праве международных договоров⁹⁷.

68. Без ущерба для различных мнений по поводу определения норм, которые могут считаться *jus cogens*⁹⁸, а также острых споров, по итогам которых эта ка-

⁹⁴ См. P. Guggenheim, *loc. cit.*, pág. 229.

⁹⁵ Многие такие случаи приводит П. Гугенхейм в *loc. cit.*, pág. 232; они же воспроизводятся в 11 *A.D. (1919–1942)*, caso No. 123, решение суда кантона Утрехт от 8 сентября 1941 года; 12 *A.D. (1943–1945)*, caso No. 9 о непризнании Соединенными Штатами Америки аннексии Эстонии и дело № 8 и 54 того же тома, касающиеся непризнания аннексии Австрии; 8 *A.D. (1935–1937)*, caso No. 38, разрешенное 11 мая 1937 года Верховным судом Великобритании.

⁹⁶ Вместе с тем некоторые авторы решительно критикуют применение к односторонним актам положений права международных договоров в отношении *jus cogens*. Так, П. Уэлл в “Le droit international en quête de son identité. Cours général de droit international public”, 237 *Rec. des Cours* (1992), pág. 282, указывает: «Одним словом, необходимо перестать говорить о *jus cogens* применительно к односторонним актам или действиям государств и оставить эту теорию за правом договоров, сферу которого она никогда не должна была покидать».

⁹⁷ Эта статья гласит: «Договор является ничтожным, если в момент заключения он противоречит императивной норме общего международного права. Поскольку это касается настоящей Конвенции, императивная норма общего международного права является нормой, которая принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер».

⁹⁸ В данном случае необходимо обратить внимание на следующие исследования, которые не носят исчерпывающего характера: Alexidze, L., “Legal Nature of *jus cogens* in Contemporary International Law”, 172 *Rec. des Cours* (1981), págs. 219–270; Carrillo Salcedo, J.A., “Reflections on the Existence of a Hierarchy of Norms in International Law”, 8 *E.J.I.L.* (1997), págs. 583 a 595; Casado Raigón, R., *Notas sobre el jus cogens internacional*, Córdoba, 1991; Casado Raigón, R., y E.M. Vázquez

тегория в конечном итоге была включена в Конвенцию 1969 года⁹⁹, рассматривается взаимосвязь, которая может возникнуть между односторонним актом и тем фактом, что он противоречит норме *jus cogens*. При этом, как указал И. Браунли, необходимо учитывать «пока еще не изученные особенности *jus cogens*»¹⁰⁰.

69. Императивные нормы «ограничивают возможность совершения односторонних правовых актов, например нормы, вытекающие из Устава Организации Объединенных Наций и предусмотренные в основополагающих конвенциях, таких, как конвенции о рабстве и геноциде среди многих других»¹⁰¹. Изначально односторонний акт, противоречащий такой норме будет считаться недействительным *ab initio* и таким образом, как правило, вызовет протесты с момента его формулирования. Несмотря на это, в данном случае практически не существует никакой практики¹⁰².

70. В этом же ключе следует отметить положения решения № 10 Комиссии Бадинтера о признании Союзной Республики Югославия (Сербия и Черногория) от 4 июля 1992 года. В пункте 4 этого решения говорится следующее: «хотя признание не является предварительным условием для создания государства и носит чисто деклараторный характер, оно тем не менее не является дискреционным актом, который могут принимать другие государства по своему усмотрению и в той форме, которая их устраивает при условии лишь соблюдения императивных норм общего международного права и, в частности, тех, которыми запрещается применение силы в отношении с другими государствами

Gómez, “La impronta del *jus cogens* en el proyecto de artículos de la Comisión de Derecho Internacional sobre la responsabilidad del Estado por hechos internacionalmente ilícitos”, en *Soberanía del Estado y Derecho Internacional. Homenaje al profesor Juan Antonio Carrillo Salcedo*, t. I, Sevilla, 2005, págs. 343 a 360; Danilenko, G. M., “International *Jus Cogens*: Issues of Law Making”, 2 *E.J.I.L.* (1991), págs. 42 a 65; Fernández Tomás, A., “El *jus cogens* y las obligaciones derivadas de normas imperativas: entre el mito y la realidad”, en *Soberanía del Estado y Derecho Internacional. Homenaje al profesor Juan Antonio Carrillo Salcedo*, t. I, op. cit., págs. 619–638; Gaja, G., “*Jus cogens* Beyond the Vienna Convention”, 172 *Rec. des Cours* (1981), págs. 271 a 316; Gómez Robledo, A., “Le *jus cogens* international: sa genèse, sa nature, ses fonctions”, 172 *Rec. des Cours* (1981), págs. 9 a 217; “El *jus cogens* internacional (estudio histórico crítico)”, México, 1982; Gutiérrez Espada, C., “Sobre las normas imperativas del Derecho Internacional”, en *Pacis Artes. Obra Homenaje al profesor Julio Diego González Campos*, t. I, Madrid, 2005, págs. 273 a 290; Hannikainen, L., “Peremptory Norms (*Jus Cogens*) and International Law. Historical Development, Criteria, Present Status”, Helsinki, 1988; Nicoloudis, E.P., “La nullité de *jus cogens* et le développement contemporain du droit international public”, Atenas, 1974; Rozakis, Ch., “The Concept of *jus cogens* in the Law of Treaties”, Amsterdam, 1976; Sztucki, J., “*Jus cogens* and the Vienna Convention on the Law of Treaties”, Viena, 1974; Verdross, A., “*Jus Dispositivum* and *Jus Cogens* in International Law”, 60 *A.J.I.L.* (1966), págs. 55 a 63; Virally, M., “Réflexions sur le *jus cogens*”, 12 *A.F.D.I.* (1966), págs. 5 a 29; Weiler, J. H. H., y Paulus, A. L., “The Structure of Change in International Law or Is there a Hierarchy of Norms in International Law?”, 8 *E.J.I.L.* (1997), págs. 546 a 565.

⁹⁹ A/CN.4/500/Add.1, пункт 139.

¹⁰⁰ См. *Principles of Public International Law*, Oxford, 2003, 6ª ed., пág. 490.

¹⁰¹ A/CN.4/500/Add.1, пункт 140.

¹⁰² Как указывается в J. H. W. Verzijl, *International Law in Historical Perspective*, vol. VI, Leiden, 1973, págs. 76 y 77: «что касается односторонних актов, то в данном случае я привожу лишь случаи захвата участков открытого моря, например прилежащих к территориальным водам; аннексию иностранной территории в ходе войны до заключения мирного договора; декларирование контрабандных предметов и материалов, которые не могут включаться в декларацию; присоединение к открытой конвенции в нарушение условий добротности такого присоединения; введение так называемой минной блокады с целью вызвать правовые последствия в ущерб третьему государству и т.д.»

или которые обеспечивают права этнических, религиозных или языковых меньшинств»¹⁰³. Интересно отметить указание в первом пункте на императивные нормы, которые определяются как ограничения свободы признания, и логично считать их применимыми к односторонним актам, в числе которых признание является еще одним вероятно самым противоречивым свидетельством¹⁰⁴. Следует отметить позицию, которой на практике руководствуется международное сообщество в отношении непризнания «южно-африканских бантустанов»¹⁰⁵ или присутствия Южно-Африканской Республики в Намибии¹⁰⁶; во-первых, политики апартеида, проводимой на этих территориях, а во-вторых, препятствий на пути получения независимости Намибией, которые препятствуют признанию ситуации, противоречащей подлинным нормам императивного характера¹⁰⁷. Постоянно учащаются выступления государств, направленные против принятия норм внутреннего права другими государствами, если они противостоят определенным нерушимым нормам¹⁰⁸.

¹⁰³ Текст этого решения мы приводим по труду J. M. Ortega Terol, *Textos y documentos sobre los desmembramientos de la Unión Soviética y de Yugoslavia*, Cuenca, 1996, pág. 92. Как указал Н. Наварро Батиста “La práctica comunitaria sobre reconocimiento de Estados: nuevas tendencias”, 22 *R.I.E* (1995), pág. 484, «следует отметить в данном случае «условия», от которых зависит соответствующее признание». В этой связи он заявляет, что «в действительности усилия, допускаемые доктриной с целью попытаться подчеркнуть безусловный характер акта признания, представляются скорее позитивной попыткой отразить реальность, которая считается не слишком удачной и в большей мере зависящей от политических факторов, чем от государственной практики».

¹⁰⁴ См. J. Verhoeven, “La reconnaissance internationale: déclin ou renouveau?”, 39 *A.F.D.I* (1993), в особенности стр. 32–39.

¹⁰⁵ Министерство иностранных дел Великобритании в этой связи заявило следующее: «Соединенное Королевство, как и все другие страны, за исключением Южной Африки, не признает Транскей, Бопутасвана, Венды и Сисей в качестве независимых суверенных государств; таким образом, представители Великобритании не поддерживают никаких связей с лицами, которые пытаются представлять их так называемые «правительства» (53 *B.Y.B.I.L* (1982), pág. 358).

¹⁰⁶ Министерство иностранных дел Великобритании указало следующее: «Вопрос о признании не возникает. В действительности система судов существует в Намибии в рамках южно-африканской администрации этой территории. Мы не признаем, что Южная Африка обладает каким-либо правом на дальнейшее управление Намибией... мы не принимаем участия в судебных разбирательствах в Намибии или где бы то ни было и в этом заключается последовательная политика нашего правительства» (58 *B.Y.B.I.L* (1987), pág. 528).

¹⁰⁷ Этот вопрос рассматривается А. Кассисом в *International Law*, Oxford, 2001, pág. 144, где указывается следующее: «В частности, можно сделать вывод о том, что независимо от того, возникает ли какое-либо образование со всеми чертами государственности в результате агрессии или же строится на систематическом отрицании прав меньшинств или прав человека, другие государства юридически обязаны не признавать их».

¹⁰⁸ См., в частности, пример, на который ссылается А. Кассис в *op. cit.*, pág. 430, nota final No. 94, где воспроизводится «послание по поводу Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него и соответствующем пересмотре уголовного законодательства», направленное парламенту 31 марта 1999 года правительством Швейцарии (Федеральный совет), в котором говорилось следующее: «В той мере, в какой запрет геноцида является императивной нормой международного права (*jus cogens*), государства не могут договариваться об ее несоблюдении. Таким образом, мирный договор, предусматривающий амнистию за акты геноцида, вероятно, не должен рассматриваться как имеющий законную силу. Из этого вытекает, что с точки зрения международного права национальное законодательство, разрешающее или даже санкционирующее геноцид в отношении определенной группы, ни в коем случае не может

71. В соответствии с этим проект руководящего принципа, дополняющий приведенные выше пункты, можно сформулировать следующим образом:

(продолжение):

«6. Является недействительным любой односторонний акт, который в момент его формулирования противоречит (или вступает в противоречие) императивной норме общего международного права (jus cogens)».

72. После анализа различных возможных оснований недействительности одностороннего акта возникает вопрос о том, кто может быть уполномочен объявлять о предполагаемой недействительности такого акта, а также о том — причем здесь мы вторгаемся в сферу правовых спекуляций — в какой степени этот вопрос регулируется международным правом, чтобы такое заявление имело последствия. Это достаточно абстрактная область, в которой при условии того, что третья сторона (как правило, какой-либо судебный орган или международный арбитраж) может объявить в том числе и *ex officio* о недействительности какого-либо одностороннего акта, большинство этих неясностей исчезнут. Вместе с тем в такой ситуации, что вероятно будет способствовать укреплению правовой определенности, исчезнет и сама суть односторонних актов, на которую будет распространяться режим, не получивший развития даже в самой Венской конвенции о праве международных договоров.

73. Представляется логичным, что на недействительность одностороннего акта, как правило, может ссылаться государство, сформулировавшее такой акт; иными словами, добросовестность должна учитываться в этом контексте прежде всего, поскольку в противном случае любое государство, которое пожелает отказаться от выполнения своих предыдущих обязательств с помощью односторонних актов, объявит их недействительными *ipso facto*, что породит существенную неопределенность и многочисленные сомнения по поводу серьезности его поведения в своей внешней политике, а это будет противоречить самому духу изучения этих актов, которые направлены на обеспечение доверия и правовой определенности в международных отношениях. В этом контексте важнейшее значение приобретает добросовестность при принятии соответствующих обязательств.

74. Вместе с тем возникает вопрос, действительно ли являются аналогичными все основания недействительности или же следует провести между ними существенные различия как в плане их последствий, так и в отношении того, кто может на них ссылаться? В принципе, если в данном случае применить те же критерии, которые были установлены в ходе Венской конференции, повлекшей за собой принятие Конвенции 1969 года, то можно прийти к выводу о возможности двойственного режима. Так, можно говорить об относительной или частичной недействительности (в соответствии со статьями 46–50 Конвенции 1969 года), в соответствии с которыми ссылка на недействительность будет по сути рассматриваться в качестве исключительного права затрагиваемого субъекта и в порядке ограничения последствий недействительности, которые будут корректироваться в тех случаях, когда причина вызвана противоправным поведением другого субъекта. Так называемая абсолютная недействительность возникнет в том случае, когда в дело вступают другие обстоятельства недейст-

придавать законную силу действиям его исполнителей или их сообщников».

вительности, о которых мы говорили выше (принуждение в отношении представителя или государства или нарушение нормы *jus cogens*), причем в этих случаях на недействительность может ссылаться не только государство, заключившее договор (или, в нашем случае, государство-автор одностороннего акта), но также и любая другая сторона с учетом прежде всего серьезности таких обстоятельств.

75. Эта проблема так же, как и в других сферах международного права, возникает в связи с невозможностью определения органа, который бы следил за тем, чтобы односторонние акты соответствовали нормам международного права или мог объявлять недействительным тот или иной акт *ex officio* или же по ходатайству государства-автора или третьего государства, которому известно о существовании такого основания недействительности. Если даже в сфере международных договоров, где нормативные рамки, по-видимому, являются значительно более жесткими, возникают проблемы в решении этого вопроса, то в условиях нынешней международной обстановки, на наш взгляд, в отношении односторонних актов практически невозможно выработать и добиться принятия какого-либо механизма урегулирования споров, касающихся односторонних актов и их возможной недействительности. Сам по себе их односторонний характер наводит на мысль о том, что, вероятно, единственно реальная и применимая альтернатива заключается в том, чтобы любое государство, которое выступило с односторонним актом, должно было с учетом серьезности соответствующих обстоятельств указать на проблемы, касающиеся такого акта, и таким образом осветить эту ситуацию и воспрепятствовать возникновению последствий такого акта.

76. Безусловно, анализ этой темы оказывается по сути спекулятивным, поскольку, невзирая на попытки разработать руководящие принципы в этой области, применимое право по-прежнему в той или иной мере является неопределенным. В любом случае, как и в сфере права международных договоров, эта тема имеет важное значение, хотя и является противоречивой. Ее анализ нужно будет продолжать и на последующем этапе работы.

77. Другой вопрос, имеющий отношение к недействительности односторонних актов, который не получил общеприемлемого решения, касается возможности подтверждения недействительности одностороннего акта. Отрицательный или положительный ответ на этот вопрос должен быть мотивированным с учетом конкретных обстоятельств дела, поскольку в противном случае в сфере односторонних актов могут возникать упорные мнения за или против. В любом случае следует отметить, что в отношении наиболее серьезных оснований недействительности (принуждение или противоречие одностороннего акта норме *jus cogens*) возможное подтверждение будет сопряжено с большими трудностями¹⁰⁹. Совершенно по-иному ставится этот вопрос, или по крайней мере под-

¹⁰⁹ За исключением почти теоретических ситуаций, когда образуется новая норма *jus cogens*, с учетом содержания которой корректируется односторонний акт, который раньше можно было считать недействительным, или даже когда в условиях коренного изменения обстоятельств государство склоняется в пользу формулирования одностороннего акта, аналогичного тому, который был сформулирован под принуждением, однако при отсутствии таких обстоятельств в случае последующего акта. Если воля государства-автора нового одностороннего акта заключается в том, чтобы распространить его последствия на предыдущий момент, когда был сформулирован предположительно недействительный акт, то не будет ли это отрицанием такого права или в противном

тверждение не порождает столь значительных проблем в отношении остальных обстоятельств, которые могут повлечь за собой недействительность. Случаи ошибки, подкупа или превышения власти представителем, в частности, могут допускать подтверждение, если это четко подтверждается последующим поведением государства-автора соответствующего одностороннего акта.

78. Сам Международный Суд в некоторых решениях дает направление возможного решения вопроса о подтверждении, хотя они и содержат ссылки на международные договоры. Так, например, было четко указано в решении Суда по спору между Гондурасом и Никарагуа в отношении арбитражного решения короля Испании от 1906 года¹¹⁰. Аналогичным образом, решение по делу *Temple de Preach-Vihear* также является весьма показательным, хотя в действительности оно касается возможности того, что последующее поведение сторон в споре может допускать подтверждение предполагаемой изначальной ошибки¹¹¹.

В. Прекращение и приостановление односторонних актов и аналогичные концепции

79. Рассмотрев возможные основания недействительности односторонних актов, перейдем к анализу осуществления таких актов, особенно в том, что касается распространения их действия во времени, прекращения, приостановления, изменения или отзыва.

80. Что касается односторонних актов, то принцип добросовестности является своего рода основной парадигмой их осуществления. По логике вещей, как указывает Барберис, «автор одностороннего правового акта не может произвольно с помощью другого одностороннего правового акта создать норму, отрицающую норму, которая была создана первым актом»¹¹². Практически то же самое мнение было высказано Вентурини, который в отношении односторонних актов указал следующее: «Отмена допустима лишь в случаях, которые могут быть предусмотрены в общих нормах международного права, поскольку,

случае, не будет ли это способствовать подтверждению предыдущего одностороннего акта без каких-либо дополнительных альтернатив? Мы считаем, что если подлинная воля государства подкрепляется таким вторым вариантом, то таковой она и является в действительности.

¹¹⁰ См. дело об арбитражном решении короля Испании от 23 декабря 1906 года (*Honduras v. Nicaragua*) (*I.C.J. Reports, 1960*, especialmente págs. 213 y 214), где указывается следующее: «по мнению Суда, Никарагуа своим явным заявлением и поведением признала действительность арбитражного решения и теперь не может отказаться от этого признания и оспорить его действительность. Тот факт, что Никарагуа не ставила под сомнение действительность арбитражного решения в течение нескольких лет после того, как ей стали известны все условия этого решения, также подтверждает вывод, к которому пришел Суд. Позиция никарагуанских властей в течение этого периода соответствовала статье VII Договора Гамеса-Бонильи, в котором предусматривалось, что любое арбитражное решение, которым, по мнению Суда, и является решение короля Испании в качестве арбитра, «должно считаться правильным, обязательным и навечным договором между высокими договаривающимися сторонами и не должно подлежать оспариванию».

¹¹¹ См. *I.C.J. Reports 1962*, págs. 22 a 24 (в частности).

¹¹² См. J.A. Barberis, “Los actos jurídicos unilaterales como Puente de Serecho International Público”, en *Obra Homenaje a H. Diez de Velasco* (Madrid, 1993) pág. 113.

если бы дело обстояло иначе, любая обязательность этих самых актов была бы оставлена на усмотрение их исполнителей»¹¹³.

81. Перед Комиссией стоит сложнейшая задача попытаться определить те нормы общего международного права, которые допускают отзыв одностороннего акта¹¹⁴. Специальный докладчик задает себе вопрос, существует ли какая-либо определенность, вытекающая из весьма ограниченной международной практики, а также из в равной мере ограниченной в этом вопросе доктрины относительно обстоятельств, которые позволили бы оставить без последствий, изменить или приостановить осуществление одностороннего акта.

82. Прежде чем мы углубимся в эту неизученную область, необходимо определить по крайней мере в общих чертах различные термины, которыми мы будем оперировать: возможность прекращения одностороннего акта (хотя в доктрине для обозначения этой ситуации применительно к односторонним актам часто используется термин «отзыв»); в этой же связи необходимо изучить возможность приостановления одностороннего акта или изменения его содержания, причем в последнем случае это часто может сопровождаться формулированием нового одностороннего акта (или даже заключением договора, охватывающего изначальный модифицированный односторонний акт). В данном случае количество вариантов столь же многообразно, как и сама международная реальность, в связи с чем мы попытаемся рассмотреть как можно большее число гипотез при том понимании, безусловно, что ни в практике, ни в доктрине на этот счет не существует достаточного количества данных. Поэтому необходимо заняться анализом договорной сферы и вычленим те возможности, которые можно экстраполировать применительно к односторонним актам в качестве отдельной категории, и попытаться проследить возможные последствия.

83. Что касается односторонних актов, то в доктрине в одном и том же значении употребляются два термина для обозначения прекращения последствий такого акта: часто используется термин «отзыв», который, безусловно, означает прекращение одностороннего акта. На наш взгляд, здесь существует оттенок значения, который позволяет проводить различия между этими явлениями, хотя эти термины и используются взаимозаменяемо. Прекращение может быть связано с внешними факторами (прекратил существование объект или существенно изменились обстоятельства, на основании которых был сформулирован односторонний акт) или даже естественными факторами (т.е. зависеть от прекращения или даже определенных условий, оговоренных в указанном акте, если его цель является законной и он не порождает обязательств для третьих сторон без их согласия). Термин «отзыв» означает прекращение или прекращение действия какого-либо явления (в данном случае одностороннего акта) по собственному желанию сформулировавшего его государства¹¹⁵. Мы считаем,

¹¹³ См. G. Venturini, loc. cit., pág. 421.

¹¹⁴ Еще в 1998 году, когда был представлен первый доклад, некоторые члены Комиссии указали на необходимость более подробно остановиться на этих вопросах; см. мнения Г. Хафнера и Ч. Чмады в *Ежегоднике КМП, 1998 год*, том I, стр. 60 текста на испанском языке, пункты 71–72; Г. Памбу-Чивунда и М. Хердоциа Сакаса, там же, пункты 60–61, стр. 76–78 текста на испанском языке.

¹¹⁵ В соответствии с определением, которое приводится в словаре Испанской королевской академии наук термин “revocag” означает оставить без последствий уступку, мандат или постановление. В Венской конвенции термин «отмена» приводится в статье 37, и в Комиссии 3. Галицкий говорил об этой концепции в качестве возможного руководства в

что термин «прекращение» имеет более широкое значение и охватывает также те другие обстоятельства, которые могут повлечь за собой прекращение действия указанного одностороннего акта в результате обстоятельств, не поддающихся контролю государства, сформулировавшего такой акт.

84. Приостановление, в отличие от прекращения, которое имеет окончательный характер, означает временное прекращение соблюдения соответствующего одностороннего акта. Обе эти формы, независимо от того, как это может показаться на первый взгляд, имеют множество общих особенностей; по-видимому, это и является одной из главных причин их совместного регулирования в разделе 3 части V Венской конвенции.

85. Односторонние акты могут зависеть от обстоятельств, делающих необходимым адаптацию их содержания к новым условиям; ничто не является постоянным, и односторонние акты также не могут иметь неизменный характер, в связи с чем возникает вопрос о том, почему бы не допустить, как и в случае международных договоров, возможность изменения содержания этих актов? Главный вопрос заключается в том, что в случае односторонних актов именно воля формулирующего его субъекта определяет, должен ли этот акт сохранять прежнее содержание или же оно может быть каким-либо образом изменено; в противном случае речь пойдет не об одностороннем акте, а о чем-либо ином (в большинстве случаев о двустороннем соглашении). Таким образом, односторонний акт может быть изменен тем, кто его сформулировал, хотя эти изменения не должны затрагивать сути изначального одностороннего акта, поскольку в противном случае это будет новый односторонний акт, отменяющий предыдущий.

86. Тот факт, что вопрос о возможном изменении односторонних актов не рассматривается, связан непосредственным образом с подходом к этому аспекту в договорной сфере. Это логически вытекает из самой сути международного правопорядка¹¹⁶.

87. Чтобы со знанием дела говорить о таких явлениях, необходимо прежде всего проанализировать их содержание. Возможны случаи, «когда государство формулирует обещание сроком на десять дней или же сопровождает его определенным регулятивным условием. В таких случаях по истечении срока или выполнения условия обязательства теряют свою силу и для этого не требуется

данном случае (см. *Ежегодник КМП, 1998 год*, том I, стр. 62 текста на испанском языке, пункт 10).

¹¹⁶ См. O. Casanovas y la Rosa, "La modificación de los acuerdos internacionales por la práctica posterior", 21 *R.E.D.I.* (1968), pág. 330, где указывается, что «в то время, как по внутреннему праву большинство договоров подлежит незамедлительному исполнению, а положения, требующие отложенного осуществления, встречаются достаточно редко, в международной системе часто существуют договоры и соглашения, регулирующие отношения между сторонами, имеющие более или менее постоянный характер. Если добавить к этому тот факт, что в международном праве отсутствуют требования к форме, которые в сфере частного права необходимы для действительности большинства контрактов, а также не существуют обязательные правовые инстанции, которые должны определять в конкретный момент точное содержание прав и обязанностей сторон в случае возникновения спора, то можно легко представить себе, что изменение соглашений в силу последующей практики может в международной сфере происходить гораздо чаще, чем во внутренней. Вместе с тем в международной практике случаи такого рода являются редкими и в определенных аспектах расплывчатыми».

принятия какого-либо акта о прекращении его действия. Возможен и другой случай, когда автор обещания или отказа прямо указал возможность его отзыва в определенных обстоятельствах. Вместе с тем если возможность отзыва не вытекает из контекста одностороннего правового акта или из его характера, то одностороннее обещание и односторонний отказ в принципе являются безотзывными»¹¹⁷. Иными словами, как в определенных случаях подтверждала международная практика, может идти речь об отзывных актах, однако с определенными ограничениями, которые отметил Международный Суд в деле *de las Actividades militares y paramilitares en y contra Nicaragua*, решение от 26 ноября 1984 года о компетенции и приемлемости требования; в соответствии с этим решением Суда право безотлагательного прекращения заявлений, имеющих неограниченное действие, далеко не является укоренившимся. Кроме того, как представляется, требование наличия добросовестности по аналогии предусматривает применение режима, закрепленного в праве международных договоров, которым устанавливаются разумные сроки для прекращения действия договоров или объявления их недействительными и которые никоим образом не связаны с положениями, определяющими продолжительность их действия¹¹⁸.

88. В этой связи можно сослаться на мнение Гутьерреса Эспады, который утверждает: «Представляется разумным считать, что в принципе любой односторонний акт (если из него безусловно и категорически не вытекает иное) может быть отозван его автором. Итак, если исходить из аналогии «прекращения» договоров, то следует также помнить, что это возможно лишь в ряде случаев; таким же образом отзывность односторонних актов ограничивается рядом факторов»¹¹⁹. Практически идентичной позиции придерживается судья Мослер в том же деле *Actividades militares y paramilitares en y contra Nicaragua*¹²⁰, на которое мы ссылались выше.

89. Существуют определенные условия, при которых односторонние акты могут быть изменены или прекращены, хотя в действительности это не соответствует подлинной воле автора таких актов. Невозможность осуществления, прекращение существования объекта или возникновение основополагающих изменений соответствующих обстоятельств являются допустимыми причинами для прекращения или изменения одностороннего акта, тогда как возникновение новой императивной нормы общего международного права повлечет за собой прекращение любого одностороннего акта, которое противоречит такой норме.

90. В проекте статьи 22, который представил Г. Фицморис, являвшийся тогда специальным докладчиком по международным договорам при кодификации права международных договоров, было указано следующее (при прямом упоминании возможности отзыва одностороннего акта): «если в декларации не указывается на ее собственную безотзывность, то государство или государства, в интересах которых она принимается, не могут выступать против того, чтобы государство-заявитель отменяло или изменяло ее по своему усмотрению; вместе с тем если это имеет последствия, аналогичные тем, которые указаны в

¹¹⁷ См. J.A. Barberis, *op. cit.*, pág. 113.

¹¹⁸ См. *I.C.J. Reports 1984*, pág. 420.

¹¹⁹ См. C. Gutiérrez Espada, *Derecho Internacional Público*, Madrid, 1995, pág. 597.

¹²⁰ См. *I.C.J. Reports 1984*, pág. 466.

пункте 4(с) статьи 20 настоящего текста¹²¹, то государство-заявитель должно выплатить компенсацию или предоставить любую иную надлежащую репарацию нанесенных потерь, ущерба или вреда».

91. Положения, аналогичные такому предложению, содержатся в статье 37.2 Венской конвенции 1969 года¹²². Таким образом, если не указывается соответствующее намерение, прекращение является допустимым¹²³; вместе с тем это ни в коей мере не затрагивает возможности компенсации возможного нанесенного ущерба, что связано с международной ответственностью, о которой забыли кодификаторы.

92. Проанализировав эту концепцию и увязав ее непосредственно с рассматриваемым нами вопросом, т.е. с односторонними актами, Уриос Молинер указал, и, на наш взгляд, небезосновательно, следующее: «Рассматриваемые нами заявления в принципе являются безотзывными и не подлежат изменению, за исключением случаев, когда такая возможность предусматривается в самом заявлении и выполняются указанные в нем соответствующие обстоятельства и условия или же имеется потерпевшая сторона или стороны, которые не возражают против этого, или существенно меняются обстоятельства, мотивировавшие такое заявление»¹²⁴. Иными словами, предпринимается попытка регулирования односторонних актов, которые, в исключительных случаях не допускающих дискреционного толкования, допускают прекращение, изменение или приостановление их осуществления.

93. Безусловно, в этой сфере существует множество сомнений, которые нашли непосредственное отражение в обсуждениях, состоявшихся в Шестом комитете, — одни утверждают, что односторонние акты не могут быть отозваны, а другие считают, что это допустимо при наличии согласия сторон, которым они адресованы¹²⁵. Можно также отметить точку зрения, которая допускает от-

¹²¹ Такая ситуация возникает в том случае, когда третье государство осуществило какие-либо действия с целью воспользоваться правами, предоставляемыми по договору, что нанесло ему больший вред, чем это произошло бы в отсутствие таких действий, или же если бы оно не пользовалось никаким правом. См. *Ежегодник КМП, 1960 год*, том II, стр. 80 текста на испанском языке.

¹²² Если для третьего государства возникает какое-либо право в соответствии со статьей 36, то это право не может быть отменено или изменено участниками, если не установлено, что, согласно существовавшему намерению, это право не подлежало отмене или изменению без согласия этого третьего государства.

¹²³ Как бы там ни казалось, согласно мнению Ф. Капоторти в “*L’extinction et la suspension des traités*”, 134 *Rec. des Cours* (1971), pág. 496, Венская конвенция в данном аспекте сделала важный шаг вперед по сравнению с тезисом, который традиционно используется, например, в Гарвардском проекте и согласно которому права, возникающие для третьих сторон в соответствии с международным договором, могут быть всегда и во всех случаях аннулированы сторонами; по крайней мере в такой постановке вопроса эта возможность несколько ограничивается.

¹²⁴ См. S. Urios Moliner, *Actos unilaterales y Derecho Internacional Público. Delimitación de una figura susceptible de un régimen jurídico común*, документ для второго тура конкурса на соискание должности преподавателя в Университете Хайме I. в 2001 году, экземпляр любезно предоставлен автором, стр. 125 текста на испанском языке.

¹²⁵ Представитель Республики Корея указала, что защита прав адресатов и сохранение международной правовой стабильности не позволяют, чтобы государства отзывали или изменяли односторонние акты без согласия других заинтересованных государств (A/C.6/60/SR.15, пункт 16). Представитель Беларуси (A/C.6/60/SR.18, пункт 75) заявила, что действие односторонних актов может быть прекращено только по соглашению с

зывает, если в одностороннем акте закреплены соответствующие положения или условия, т.е. считается, что на такие акты должны распространяться общие принципы, такие, как *rebus sic stantibus*¹²⁶, и исключения из форс-мажорных обстоятельств и т.д. Следует также отметить, что существует более гибкий подход, который допускает отзыв некоторых актов¹²⁷.

94. Мы, безусловно, понимаем, что Германия была права, когда в ответах на вопросы по односторонним актам указала, что возможность отзыва одностороннего акта — это вопрос, который не допускает абстрактного анализа, и речь должна идти о конкретном одностороннем акте; иными словами, попытка абстрактной и общей постановки такого вопроса является бессмысленной¹²⁸. Другие представители государств напротив высказались в пользу возможности отзыва односторонних актов¹²⁹. Такая картина свидетельствует о колоссальном разнообразии подходов; в этой связи мы попытаемся провести различия между ситуациями, которые, как представляется, оговариваются на момент формулирования одностороннего акта, т.е. непосредственно вытекают из воли автора и ситуации, обуславливаемой каким-либо внешним фактором, который влечет за собой те или иные изменения.

1. Ситуации, обуславливаемые волей автора одностороннего акта

95. Государство, сформулировавшее односторонний акт в качестве своего волеизъявления, может оговорить условия в отношении его прекращения, приостановления или изменения, если это волеизъявление носит четко выраженный характер, так же, как и соответствующий односторонний акт в момент или моменты его формулирования.

96. Логически следует допустить возможность прекращения одностороннего акта¹³⁰, четко указав этот аспект в момент его формулирования. Мы также считаем, что приостановление осуществления может играть аналогичную роль, если на момент формулирования предусматривается определенный мораторий

субъектами международного права, которые приняли их к сведению и соответствующим образом изменили свое поведение.

¹²⁶ Представитель Республики Корея заявила (A/C.6/60/SR.15, пункт 10), что принцип *rebus sic stantibus* можно считать основой для отзыва или изменения таких актов.

¹²⁷ См. также резюме обсуждений, состоявшихся в Шестом комитете после представления второго доклада (A/CN.4/504, пункт 156).

¹²⁸ См. A/CN.4/511. Еще в 1973 году Верзейл в *op. cit.*, vol. VI, стр. 106 текста на английском языке, высказал то же мнение: «Допустимость их одностороннего отзыва зависит от их конкретных особенностей и, таким образом, не может рассматриваться под углом изыскания решения, приемлемого для всех случаев». То же мнение было высказано на прошлой сессии в Шестом комитете представителем Японии (A/C.6/50/SR.14, пункт 54), который указал, что правительство его страны считает, что возможность аннулирования и изменения односторонних актов зависит от формы, содержания, авторов и адресатов данного акта и обуславливается его категорией или типом.

¹²⁹ Как, например, Сальвадор и Грузия, хотя Финляндия, Израиль или Италия высказались более определенно, указав, что такая возможность существует, однако при определенных ограничениях (см. A/CN.4/511).

¹³⁰ Это прекращение, как и в случае международных договоров, может допускать различные возможности: фиксированная дата, истечение определенного времени или наступление определенного события в качестве резолютивного условия могут быть наиболее частыми обстоятельствами. Прекращение может наступать даже в случае прекращения определенной деятельности, что влечет за собой принятие определенного обязательства с этого момента.

или период, в течение которого акт не будет применяться с последующим установлением его последствий (по истечении указанного периода времени или исполнении предусмотренного условия).

97. Более сложной представляется попытка прекратить, приостановить или изменить односторонний акт, когда такая возможность, как это часто и происходит, не предусматривается в момент формулирования указанного акта. В таком случае возникает вопрос о возможности этого, если учесть, что именно государство, сформулировавшее этот акт, пытается в такой форме прекратить его; этот вопрос еще более осложняется с учетом существования односторонних актов, которые породили или могли породить определенные ожидания со стороны третьих сторон. Ниже мы приводим подборку тех немногих примеров, которые существуют в практике и доктрине.

98. Как указывалось, в общих чертах автор одностороннего обещания может отозвать его или изменить его содержание, если при этом существует согласие адресатов этого обещания и стороны, которые поверили такому обещанию, не возражают против этого. Эта идея, которая в абстрактном контексте может представляться весьма разумной, на самом деле таковой не является, когда мы сталкиваемся с обещанием, порождающим последствия *erga omnes*¹³¹, или адресаты которого являются неопределенными или же существуют сомнения по поводу того, кому оно адресовано. Рубин приводит в этой связи интересные аргументы, указав, что «в некоторых случаях, безусловно, допустимо, чтобы одна сторона на законных основаниях прекратила осуществлять свои очевидные договорные обязательства без нарушения принципа добросовестности. Мы не видим никаких явных причин, осложняющих прекращение выполнения обязательств, принятых в соответствии с односторонним заявлением, по сравнению с обязательствами договорного характера»¹³².

99. В том же ключе высказался представитель Франции в Совете Безопасности относительно заявления Египта по Суэцкому каналу¹³³. Он поставил под сомнение безотзывность, что само по себе не означает обещания, и указал следующее: «Одностороннее заявление, даже зафиксированное, безусловно, не может иметь иных последствий, кроме последствий одностороннего акта, и мы должны сделать из этого очевидного факта вывод о том, что заявление, сделанное в одностороннем порядке, может быть таким же образом изменено или аннулировано»¹³⁴. Практически аналогичную позицию занял Генеральный секре-

¹³¹ См. J.-D. Sicault, loc. cit., pág. 650.

¹³² См. A.P. Rubin, "The International Legal Effects of Unilateral Declarations", *A.J.I.L.*, vol. 71 (1977), pág. 10.

¹³³ См. заявление (с сопроводительным письмом Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций) по Суэцкому каналу и механизмам его функционирования, сделанному в Каире 24 апреля 1957 года, в котором правительство Египта обязалось выполнять положения Конвенции 1898 года, Naciones Unidas, *Treaty Series*, vol. 265, No. 3821.

¹³⁴ См. A.Ch. Kiss, *Répertoire*, op. cit., t. I, pág. 618, заседание Совета Безопасности от 26 апреля 1957 года. Практически аналогичную позицию в отношении возможности отзыва одностороннего акта также занял министр иностранных дел Франции на совещании министров иностранных дел Франции, Соединенных Штатов Америки, Соединенного Королевства и Советского Союза, состоявшегося в Женеве 8 ноября 1955 года: «Гарантии, которыми в настоящее время пользуется СССР в силу существования положений, принятых в западных оборонительных организациях, носят односторонний характер, и, таким образом, могут быть отменены» (см. A.Ch. Kiss, op. cit.,

тарь Организации Объединенных Наций в ходе пресс-конференции 25 апреля 1957 года по вопросу этого заявления¹³⁵. Тогда не существовало четкого понимания ни в отношении того, что собственно представляет собой односторонний акт, ни в отношении того, допускала ли волеизъявление сформулировавшего его государства возможное аннулирование такого акта.

100. Главный вопрос заключается в том, порождает ли или может ли породить обещание общего характера ожидания для третьих сторон, которые получают определенное «право выполнения такого обещания» с определенными ограничениями. В этой связи Жак указывает следующее: «Одностороннее обещание создает для адресатов с момента их уведомления о его существовании право требовать выполнения обязательства, взятого автором обещания. Однако аналогично тому, как право международных договоров в отдельных ситуациях разрешает сторонам прекратить действие договора до окончания его срока, суд не гарантирует неотменяемость и абсолютную неизменность одностороннего обещания»¹³⁶. Хотя из собственных заявлений Суда в 1974 году вытекает, что такая возможность по аннулированию ни в коей мере не носит абсолютный характер: «Суд считает, что одностороннее обязательство, вытекающее из этих заявлений, не может толковаться как имплицитно подразумевающее *произвольные полномочия* по пересмотру» (курсив наш)¹³⁷.

101. Решение вопроса о возможности отзыва обещания требует согласования весьма противоречивых концепций, чего можно добиться лишь путем учета конкретных обстоятельств; если принцип добросовестности в данном случае имеет основополагающее значение и обязательство порождает различные ожидания, которые могут быть нарушены в случае его аннулирования, то такую связь также нельзя считать бессрочным обязательством, от которого государство никогда не сможет отказаться. В этой связи необходимо занять относительную и гибкую позицию, как указывает Де Вишер, «относительность, *ratione personae*, *ratione temporis* и *ratione materiae* которой требуют ее оценки с учетом политико-правового контекста в каждом конкретном случае»¹³⁸. Безусловно,

t. I, pág. 618).

¹³⁵ В ходе этой пресс-конференции он заявил, что «регистрация как таковая не делает документ безотзывным, поскольку он... имеет обязательный характер для представляющей его стороны в соответствии с той направленностью, которую она придала самому документу. Иными словами... оно может быть заменено... другим заявлением...» (цитируется по J. Dehaussy, «La déclaration égyptienne de 1957 sur le canal de Suez», 6 *A.F.D.I.* (1960), pág. 180, nota a pie No. 32).

¹³⁶ См. J.P. Jacqué, «A propos de la promesse unilatérale», en *Mélanges offerts à Paul Reuter. Le droit international: unité et diversité*, Paris, 1981, pág 342.

¹³⁷ См. *I.C.J. Reports 1974*, pág. 270, párr. 51. Аналогичным образом, Суд также высказался по делу *las Actividades militares y paramilitares in y contra Nicaragua* (юрисдикция и приемлемость) 26 ноября 1984 года, указав, что односторонний характер заявления не означает, что сделавшее его государство может по собственному усмотрению менять его содержание и характер (см. *I.C.J. Reports 1984*, pág. 418, párr. 59). В данном случае Суд высказался в следующем ключе: «Односторонний характер заявлений — речь идет о заявлениях о признании юрисдикции Суда, хотя, мы считаем, что эта концепция может в целом распространяться на все односторонние заявления, формулируемые государствами, — не означает, что государство, выступающее с заявлением, может по собственному усмотрению менять рамки и содержание своих торжественных обещаний».

¹³⁸ См. P. De Visscher, «Remarques sur l'évolution de la jurisprudence de la Cour Internationale de Justice relative au fondement obligatoire de certains actes unilatéraux», *Études de droit international en l'honneur du Juge Manfred Lachs* (La Haya, Boston, Lancaster), 1984,

такая относительность повлечет за собой проблемы, однако право должно применяться с учетом его применимости к обстоятельствам; в данном случае возможное изменение обещания (прекращение, приостановление или изменение) должно анализироваться прежде всего с учетом обстоятельств конкретного случая, обуславливающих необходимость изменений, а также с учетом добросовестности государства, которое сформулировало односторонний акт и желает изменить его. Даже допустив еще больший отход от альтернатив, квалифицируемых как *de lege ferenda*, можно утверждать, что, когда происходит нанесение серьезного ущерба ожиданиям третьих сторон, возникает возможность требования компенсации, если удастся доказать произвол или недобросовестность со стороны государства, которое желает аннулировать или коренным образом изменить характер обязательства, принятого им в одностороннем порядке.

102. Если перейти к определению содержания формулы признания, то мы увидим, что оно определяется различными проявлениями, что влечет за собой глубокую эволюцию доктринального подхода к возможности аннулирования такого признания. Помимо того, что в данном случае практически отсутствует соответствующая практика, произошли расхождения во мнениях между заявлением о безотзывном характере признания¹³⁹ и по крайней мере признания *de jure* в отличие от признания *de facto* (которое считается временным и следовательно допускающим аннулирование). Это расхождение во мнениях является столь значительным, что в связи с отсутствием показательной практики, которая дала бы возможность внести определенную ясность, в данном вопросе придется руководствоваться здравым смыслом.

103. Например, некоторые авторы руководствуются таким подходом и, хотя и не считают, что признание может аннулировано, заявляют в этой связи, что «признание может быть отменено, и не существует права на его сохранение. Однако до тех пор, пока оно не снято, адресат или адресаты имеют право требовать от его автора выполнения обязательств, вытекающих из акта, которым он признал существующую ситуацию»¹⁴⁰. На этой же позиции стоят и другие авторы, которые проводят различия между чисто односторонним признанием, которое, как они считают, может аннулироваться, и ситуациями, когда эта фор-

рэг. 464. Хотелось бы остановиться на конкретном случае, когда социально-политические условия государства, сформулировавшего обещание, воспрепятствовали его выполнению: премьер-министр Японии Зеуко Сузуки в своем заявлении указал, что Япония провела соответствующие консультации с Соединенными Штатами Америки и разрешит транзитный проход судов с ядерным оружием на борту (85 *RGDIP* (1981), рэг. 905). Это заявление представляет собой публичную отмену одного из трех основополагающих принципов, на которых строилась ядерная политика Японии — отказ от производства и ввоза такого оружия в Японию. Потрясение, вызванное этим заявлением, вынудило министра отказаться от него, и в ходе следующей пресс-конференции он сообщил, что ответ Японии в данном случае будет отрицательным. Это заявление повторил 9 августа 1984 года премьер-министр Японии М.Я. Накасоне, который в ходе церемонии, посвященной памяти атомной бомбардировки Нагасаки указал, что Япония не разрешит заход в свои порты военным судам Соединенных Штатов Америки с ядерными ракетами на борту (89 *R.G.D.I.P.* (1985), рэг. 166).

¹³⁹ В этой связи представляются показательными предложения, которые приводит Д. Верховен в *La reconnaissance internationale dans la pratique contemporaine. Les relations publiques internationales*. Paris, 1975, рэг. 650, nota a pie No. 69.

¹⁴⁰ См. J.P. Jacqué, *Éléments pour une théorie de l'acte juridique in droit international*, Paris, 1972, рэг. 337.

ма предусмотрена в международном договоре, что порождает противоположные последствия. В действительности нам представляется, что такая позиция, помимо того, что она порождает многочисленные факторы неопределенности, придает бóльшую определенность и предсказуемость нормам договорного права, чем односторонним актам. Мы всего лишь навсего считаем, что такое разграничение в существующих условиях не является реалистичным.

104. Последствия признания имеют столь существенное значение, что необходимо проявлять осторожность при конкретных заявлениях относительно возможности аннулирования указанной формы. Примером сложного случая являются бывшие югославские республики, которые в свое время признали (договорным путем) сохранение тогдашней¹⁴¹ так называемой Союзной Республики Югославии (Сербия и Черногория)¹⁴²; очевидное противоречие зафиксировано в Конвенции Организации Объединенных Наций о правах ребенка и заключается в следующем: 3 января 1991 года Социалистическая Федеративная Республика Югославия ратифицировала эту Конвенцию и заявила оговорку к ее статье 9.1¹⁴³, а 28 января 1997 года сняла ее (уже в качестве союзной Республики Югославии)¹⁴⁴. Этот факт породил последующие сообщения от Словении (28 мая 1997 года), Хорватии (3 июня 1997 года), Боснии и Герцеговины (4 июня 1997 года)¹⁴⁵ и бывшей югославской Республики Македонии (10 октября 1997 года)¹⁴⁶. Словения, Хорватия и Босния и Герцеговина заявили, что «государство, которое в 1991 году заявило о ратификации Конвенции о правах ребенка и сделало оговорку — это бывшая Социалистическая Федеративная Республика Югославия, однако государство, которое 28 января 1997 го-

¹⁴¹ В этой связи информацию о развитии этой ситуации в отношении наименования Союзной Республики Югославии см. в М. I. Torres Cazorla, “El último cambio de Yugoslavia: de la República Federativa de Yugoslavia (Serbia y Montenegro) a la Unión de Serbia y Montenegro”, LV *R.E.D.I.* (2003), págs. 487 a 492.

¹⁴² См. решение Международного Суда от 11 июля 1996 года о применении *Конвенции о предупреждении преступлений геноцида и наказании за него (Босния и Герцеговина против Югославии)* в С.I.J. Recueil, 1996, pág. 17. В данном случае очевидно, что Босния и Герцеговина хотела бы, чтобы Союзная Республика Югославия считалась правопреемником по крайней мере в том, что касается Конвенции 1948 года, и с такой позицией согласился Международный Суд. Соответствующие соглашения, заключенные на двустороннем уровне между Союзной Республикой Югославия и остальными бывшими югославскими республиками в целях нормализации их отношений, как представляется, согласуются с концепцией сохранения правосубъектности Социалистической Федеративной Республики Югославия в лице Союзной Республикой Югославия (Сербия и Черногория). В качестве примера можно отметить статью 4 Коммюнике и Соглашения о регулировании взаимоотношений и развитии сотрудничества между бывшей югославской Республикой Македония и Союзной Республикой Югославия от 8 апреля 1996 года (35 I.L.M. (1996), pág. 1248); статью 5 Соглашения с Хорватией от 23 августа 1996 года (ibid, pág. 1221); или раздел IV Совместного заявления с Боснией и Герцеговиной от 3 октября 1996 года (*Review of International Affairs*, Nos. 1049–1050, pág. 15). Анализ этого и других смежных вопросов см. в М. I. Torres Cazorla, “Rights of Private Persons on State Succession: An Approach to the Most Recent Cases”, Academia de Derecho Internacional de La Haya, en P.M. Eisemann y M. Koskenniemi (eds.), *La succession d’États: la codification à l’épreuve des faits/State succession: Codification Tested Against the Facts*, La Haya, 2000, págs. 674 a 676.

¹⁴³ Naciones Unidas, *Treaty Series*, vol. 1577, No. 27531.

¹⁴⁴ См. постановление от 7 октября 1997 года (*B.O.E.* No. 248, de 16 de octubre de 1997).

¹⁴⁵ См. постановление от 26 января 1998 года (*B.O.E.* No. 37, de 12 de febrero de 1998).

¹⁴⁶ См. постановление от 6 октября 1998 года (*B.O.E.* No. 253, de 22 de octubre de 1998).

да заявило о снятии этой оговорки — это Союзная Республика Югославия (СРЮ)». Кроме того, они обратили внимание на «резолуции 757 (1992) и 777 (1992) Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи 47/1», в которых было указано, что Социалистическая Федеративная Республика Югославия прекратила свое существование и Союзная Республика Югославия не может считаться ее правопреемником. В условиях такой неопределенности (государство, заявившее оговорку, прекратило свое существование, а предполагаемый правопреемник снимает оговорку, которую он не формулировал) к Генеральному секретарю была обращена просьба внести ясность в эту ситуацию. Бывшая югославская Республика Македония заявила «что Союзная Республика Югославия не уведомляла о своем присоединении к Конвенции и не присоединилась к ней никаким иным способом в соответствии с правом международных договоров. Таким образом, СРЮ не является и не может считаться участником этой Конвенции». Поэтому, хотя на начальном этапе новые государства из числа бывших югославских республик признали правопреемство СРЮ, год спустя они заявили об обратном¹⁴⁷. Сложная ситуация, в которой спустя почти десятилетие оказалась СРЮ, объясняет возникновение этих непростых ситуаций¹⁴⁸.

105. На наш взгляд, именно обстоятельства случая, добросовестность и возможность того, что указанный акт порождает ожидания третьих сторон, являются теми важными аспектами, которые необходимо учитывать, чтобы дать возможность государству выступить с новым односторонним волеизъявлением, которое меняет изначальный односторонний акт¹⁴⁹. Вместе с тем любым попыткам разработать фиксированные правила в этой сфере будет препятствовать сам характер одностороннего акта, который является гибким по своей сути. Отсутствие, причем не случайное или соответствующее желанию государств, какого-либо органа по рассмотрению и регулированию возможных проблематичных ситуаций, которые могут возникать в этой связи, является еще одним важным и неизбежным на сегодняшний день препятствием, которое необходимо учитывать. На наш взгляд, ориентировочным критерием может служить лишь обращение к статье 33 Устава Организации Объединенных Наций, которая предусматривает свободу выбора мирных средств разрешения споров.

¹⁴⁷ Этот вопрос подробно анализируется в М. I. Torres Cazorla, “El Derecho del Menor a una nacionalidad: análisis de los recientes casos de sucesión de Estados”, en *Los Derechos del Niño (Estudios con motivo del X Aniversario de la Convención de los Derechos del Niño)*, Asociación para las Naciones Unidas en España, Ministerio de Trabajo y Asuntos Sociales, Barcelona, Madrid, 2002, págs. 200 y 201.

¹⁴⁸ См. блестящий анализ всех этих проблем в J. M. Ortega Terol, “Aspectos teóricos y prácticos de la continuidad en la identidad del Estado”, 15 *A.D.I.* (1999), págs. 287 a 300.

¹⁴⁹ Можно даже считать, что это новое волеизъявление, направленное на аннулирование одностороннего акта, может представлять собой заключение международного договора, противоречащего предыдущему одностороннему акту. В данном случае напрашиваются различные возможные гипотезы: государство или государства, для которых односторонний акт порождает определенные ожидания, также являются сторонами этого договора, что не влечет за собой никаких проблем; или же они не являются сторонами этого договора, что порождает иные обязательства, подчас противоречащие этому обязательству, и таким образом влечет за собой нарушение или одностороннего акта или же договора. В данном конкретном случае существуют широкие возможности для международной ответственности.

106. Комбинированная ситуация, сочетающая в себе черты двух упомянутых выше случаев, которая зачастую сама по себе порождает возможность прекращения одностороннего акта, как правило, возникает тогда, когда соответствующий односторонний акт осуществляется в комплексе; в данном случае возможны различные ситуации: например, когда односторонний акт осуществляется путем выполнения одного действия (например, обещание по списанию долга) или же когда предусматриваемое таким актом обязательство имеет конкретное содержание, т.е. когда после его выполнения дальнейшее осуществление акта теряет всякий смысл. В этой связи исполнение в сфере международных договоров является одним из оснований для прекращения действия так называемых договоров-контрактов, под которыми понимают соглашения, порождающие конкретные правовые отношения. После выполнения предусмотренного ими обязательства действие соответствующего договора прекращается¹⁵⁰.

107. Комиссии можно предложить различные руководящие принципы, касающиеся возможных оснований прекращения, упомянутых выше, в рамках проекта принципа, охватывающего в предварительном порядке следующие основания:

«Прекращение односторонних актов (первая часть)

Односторонний акт может быть прекращен или отозван сформулировавшим его государством, если:

- а) в момент формулирования такого акта был установлен точный срок его прекращения (или этот акт имплицитно подразумевал его прекращение после осуществления одного или нескольких актов);**
- б) такой акт в момент его формулирования сопровождался резолютивным условием».**

108. Прекращение существования объекта одностороннего акта в определенном смысле связано с другим основанием, которое мы рассмотрим в следующем пункте: возможное прекращение, изменение или приостановление осуществления вследствие невозможности последующего выполнения. Это последнее основание в отличие от того, которое рассматривается нами, было предусмотрено в Венской конвенции 1969 года.

2. Ситуации, вызванные внешними обстоятельствами, не поддающимися контролю авторов одностороннего акта

109. Во все времена досконально изученные основания приостановления, изменения или прекращения международного договора вызвали колоссальное недоверие, особенно в тех случаях, когда такие ситуации возникали или провоцировались в результате воли лишь одной из сторон соответствующего соглашения. Вместе с тем и невзирая на то, что эти сомнения имеют под собой достаточные основания, то же самое происходит и с другими основаниями, когда прекращение, изменение или приостановление, в данном случае одностороннего акта, происходит по воле обстоятельств, не поддающихся контролю его автора¹⁵¹. Что касается анализа многочисленных ситуаций, которые могут повлечь за собой такие изменения, то, на наш взгляд, было бы целесообразно

¹⁵⁰ См. F. Capotorti, loc. cit., págs. 525 y 526.

¹⁵¹ В этом смысле высказывается Ф. Капоторти в loc. cit., pág. 514.

определить некоторые возможности, например те, которые регулируются в Венской конвенции¹⁵² и могут оказаться применимыми к односторонним актам, а также определить, какие тенденции существуют в других ситуациях¹⁵³.

а) Ситуации, предусмотренные в Венской конвенции о праве международных договоров

110. В статье 61 Венской конвенции рассматривается одно из оснований прекращения и приостановления осуществления международного договора, которое, на наш взгляд, в полной мере применимо к односторонним актам. Речь идет о последующей невозможности выполнения, которую, как мы считаем, можно применить к прекращению односторонних актов, если, следуя букве этой Концепции, «эта невозможность является следствием безвозвратного исчезновения или уничтожения объекта, необходимого для выполнения договора» или приостановления его осуществления в случае, когда такая невозможность носит лишь временный характер. Выражение *ad impossibilia nemo tenetur* в данном случае является полностью применимым, поскольку в противном случае государство будет вынуждено исполнять невозможное. Исчезновение или уничтожение объекта существа одностороннего акта является основополагающим аспектом этого основания прекращения (например, утрата территории или береговой полосы, на которую распространились последствия одностороннего акта)¹⁵⁴.

111. Невозможность, о которой говорится в рассматриваемой статье, в качестве основания, применимого по аналогии к односторонним актам, должна отвечать следующим условиям: а) эта невозможность должна уже наступить; б) кроме того, эта невозможность должна быть окончательно необратимой, поскольку в противном случае речь будет идти о приостановлении, а не о прекращении; и с) она должна касаться объекта, необходимого для выполнения, т.е. невозможность должна быть существенной, хотя и необязательно физической или материальной.

112. В этой связи возникает интересный вопрос, касающийся случая, когда государство, сформулировавшее односторонний акт, своим поведением способствовало закреплению ситуации материальной невозможности; в конечном счете именно это государство несет ответственность за такое исчезновение.

¹⁵² Прежде всего следует рассмотреть такие обстоятельства, как последующая невозможность выполнения, коренное изменение обстоятельств, возникновение интерактивной нормы общего международного права (*jus cogens*) и главным образом разрыв дипломатических и консульских отношений (статьи 61–64 Венской конвенции).

¹⁵³ Такие обстоятельства, как возникновение международного обычая, война или правопреемство государств, могут, как мы увидим в дальнейшем, повлечь за собой изменения соответствующего одностороннего акта.

¹⁵⁴ Как указывается в доктрине, это обстоятельство не лишено некоторого параллелизма, в связи с чем необходимо рассмотреть вопрос о коренном изменении обстоятельств. Как указывает Д.М. Руда в “*Terminación y suspensión de los tratados*”, en *Essays in honour of Judge T.O. Elias*, vol. I, Dordrecht, Boston, Londres, 1992, pág. 103: «Безусловно, исчезновение или уничтожение объекта договора является коренным изменением обстоятельств, существовавших на момент его заключения, однако КМП сочла, что в данном случае речь идет о двух различных с точки зрения права основаниях. На наш взгляд, это различие вытекает из того, что в случае последующей невозможности выполнения мы имеем дело с объективным критерием, а в случае коренного изменения обстоятельств речь идет о субъективной оценке сложившейся ситуации, что требует отдельного рассмотрения».

В данном случае следует провести различия между двумя аспектами, которые не различаются в Венской конвенции: с одной стороны, речь идет об исчезновении, которое может, а по логике вещей и должно повлечь за собой прекращение или возможное приостановление одностороннего акта, а с другой — о возможной международной ответственности, которую понесет государство, своим поведением вызвавшее материальную невозможность. Речь идет не о том, что сторона не может сослаться на невозможность, порожденную фактическим обстоятельством, а о том, что она не может избежать международной ответственности перед третьими сторонами. Этот вопрос, как это часто и происходит, в большинстве случаев порождает споры, которые можно урегулировать в рамках международного права.

113. Ссылка на коренное изменение обстоятельств в качестве основания прекращения международного договора является одной из тех областей, которые подробно рассматриваются в доктрине¹⁵⁵. Ее противоречие норме *acta sunt servanda* сделало ее объектом самых сложных обсуждений в сфере договорного права¹⁵⁶. Необходимая гибкость международного права, в котором воля государств и определяющая ее реальность играют важную роль, представляет собой фактор, который сам по себе говорит о важности этого положения; по-иному и быть не может, поскольку строгое и не допускающее исключений применение принципа *acta sunt servanda* «нарушит принцип *acta sunt servanda*, придав ему священный, почти мистический характер и сделает его неприкосновенным»¹⁵⁷. Не исключено, что важность этого основания прекращения является главной и важнейшей причиной, содержащейся в статье 62 Конвенции 1969 года негативной формулировки, ограничивающей возможность ссылки на такое обстоятельство. Именно это соображение, которое в отношении возможной ссылки на это основание, учитывалось в доктрине в качестве ограничительного подхода, являющегося логическим следствием необходимости предупреждения произвола, который может возникнуть в противном случае. Этим объясняется содержащееся в доктрине логичное утверждение в отношении основополагающего характера произошедшего изменения обстоятельств: «Изменившиеся обстоятельства должны быть основополагающими; они должны затрагивать саму основу Конвенции и должны быть чрезвычайными в том смысле, что они будут превосходить обычные изменения, которые обычно можно предвидеть при подготовке частных или международных договоров»¹⁵⁸.

114. Основополагающее изменение обстоятельств может толковаться совершенно по-разному, в том числе и в контексте возникновения войны между сторонами. Так, например, в деле *Rann de Kutch* между Индией и Пакистаном, сравнивая этот случай с «заявлением Ихлена», которое учитывалось Междуна-

¹⁵⁵ См. G. Haraszti, “Treaties and the Fundamental Change of Circumstances”, 146 *Rec. des Cours* (1975), в частности стр. 47–60 текста на английском языке.

¹⁵⁶ Библиография по данному вопросу является весьма обширной; мы лишь отметим заявление Ван Богерта, сделанное до завершения работы, повлекшей за собой принятие Конвенции 1969 года, и изложенное в en “Le sens de la clause ‘rebus sic stantibus’ dans le droit des gens actuel”, 70 *R.G.D.I.P.* (1966), pág. 50, где он указывает: «Таким образом, можно отметить, что в правилах *acta sunt servanda* и *rebus sic stantibus* содержатся оба элемента, призванные обеспечить наличие эффективного и вместе с тем справедливого права».

¹⁵⁷ См. A. Poch G. De Caviedes, “De la clause ‘rebus sic stantibus’ a la clause de révision dans les Conventions internationales”, 118 *Rec. des Cours* (1966), pág. 168.

¹⁵⁸ См. A. Poch G. De Caviedes, loc. cit., pág. 170.

родным Судом в споре между Данией и Норвегией, с обстоятельствами этого дела, Индия заявила в Суде, что «заявление Ихлена» было сделано в тот момент, когда между Данией и Норвегией не существовало никакого спора; положение изменилось после возникновения этого спора. Это заявление потеряло всякий смысл после возникновения серьезных разногласий и в условиях, когда «стороны практически ведут войну по переписке по поводу конкретной позиции»¹⁵⁹.

115. Высказывались мнения в пользу применимости к некоторым односторонним актам (в особенности тем, из которых вытекают определенные обязательства) *mutatis mutandis* статей 61 (последующая невозможность выполнения) и 62 (коренное изменение обстоятельств) Венской конвенции о праве международных договоров¹⁶⁰; условия изменения и прекращения являются весьма сходными с теми, которые предусмотрены в праве международных договоров в отношении прекращения и погашения обязательств, порожденных международной конвенцией¹⁶¹. Хотя в сфере односторонних актов такие ситуации порождают дополнительные обстоятельства, которые, как правило, не возникают в сфере права международных договоров и являются односторонним изменением содержания одностороннего акта. Этим объясняется осторожный подход Международного Суда в отношении рассмотрения коренного изменения обстоятельств, о чем свидетельствует заявление в деле *Gabcikovo-Nagymaros*: «Коренное изменение обстоятельств необходимо было предвидеть; наличие таких обстоятельств на момент заключения договора должно было являться основополагающей основой согласия сторон на обязательный характер договора. Негативная и условная формулировка статьи 62 Венской конвенции о праве международных договоров также является четким указанием на то, что ста-

¹⁵⁹ См. 50 *I.L.R.* (1976), pág. 379.

¹⁶⁰ Как указывается в J.-D. Sicault, loc. cit., págs. 654 y 655, государство-автор одностороннего обещания может ссылаться на коренное изменение обстоятельств в целях отзыва такого обещания, если выполняются три следующих условия: а) наличие таких обстоятельств должно было являться основой согласия на принятие такого обещания; б) изменение обстоятельств должно повлечь за собой радикальное изменение обязательств, которые еще не выполнены в соответствии с односторонним актом; с) изменение обстоятельств не должно повлечь за собой нарушения автором обещания международного обязательства (по этому обещанию или любого другого обязательства).

¹⁶¹ Существует особенно чувствительная область, по поводу которой государства часто ведут ожесточенные споры или выступают с протестами в случае спорного поведения: вопросы разоружения или мораториев на проведение испытательных ядерных взрывов. Более того, в этой области часто принимаются обязательства, которые не являются в строгом смысле односторонними, а связаны непосредственно с поведением другого государства. Примером тому является заявление Союза Советских Социалистических Республик от 18 декабря 1986 года о том, что он возобновит ядерные испытания только после того, как это сделают Соединенные Штаты Америки, что положило конец мораторию, который действовал с 6 августа 1985 года. После того как Соединенные Штаты Америки провели подземный испытательный ядерный взрыв на полигоне в Неваде 3 февраля 1987 года, после которого был проведен второй испытательный взрыв 11 февраля и третий — 18 марта, правительство Советского Союза 4 февраля официально объявило о том, что эта инициатива Соединенных Штатов положила конец мораторию. Союз Советских Социалистических Республик возобновил испытательные ядерные взрывы 26 февраля в Казахстане (91 *R.G.D.I.P.* (1987), pág. 945).

бильность договорных отношений требует, чтобы ссылка на коренное изменение обстоятельств допускалась лишь в исключительных случаях»¹⁶².

116. Иногда психологический элемент или уверенность государства, сформулировавшего односторонний акт, в том, что действительно произошло коренное изменение обстоятельств, которые вынудили его занять ту или иную изначальную позицию, приобретает важное значение. Интересным примером является позиция Польши, которая сначала заявила о своем выходе из Международной организации труда, аннулировав это заявление уведомлением, которое было сделано за день до того, как первое уведомление действительно вступило в силу¹⁶³.

117. Может ли разрыв дипломатических или консульских отношений стать тем изменением, которое повлечет за собой прекращение, приостановление или возможное изменение одностороннего акта? В принципе, если воспользоваться решением этого вопроса, которое практикуется при кодификации международных договоров, то такой разрыв не должен повлечь за собой колоссальных изменений, за исключением тех случаев, когда иное может вытекать из содержания самого одностороннего акта (например, дипломатические или консульские отношения являются условием, без которого односторонний акт не может осуществляться или его осуществление крайне затруднится). Именно это и предусматривается в статье 63 Венской конвенции 1969 года: «Разрыв дипломатических или консульских отношений между участниками договора не влияет на правовые отношения, установленные между ними договором, за исключением случаев, когда наличие дипломатических или консульских отношений необходимо для выполнения договора». В Венской конвенции говорится об их необходимости, из чего, вероятно, следует, что это же требование можно применить и к односторонним актам; вместе с тем мы пессимистически подходим к этой концепции, поскольку, как правило, в случае разрыва дипломатических или консульских отношений государство, сформулировавшее односторонний акт, вряд ли будет готово продолжать его осуществление, по крайней мере в той же форме, что и прежде.

118. Возникновение новой императивной нормы общего международного права (*jus cogens*), как это предусматривается в статье 64 Венской конвенции 1969 года, с определенными нюансами согласуется со статьей 53 этой Конвенции, о которой говорилось выше. Так, в ней говорится, что «если возникает новая императивная норма общего международного права, то любой существующий договор, который оказывается в противоречии с этой нормой, становится недействительным и прекращается». Вместе с тем, невзирая на заключитель-

¹⁶² См. *I.C.J. Reports 1997*, pág. 65, párr. 104.

¹⁶³ Польша объявила о своем выходе из МОТ 17 ноября 1984 года в Административном совете через своего представителя в Женеве; в его письме были повторены обвинения, которые выдвигались против этой организации в течение трех лет: вмешательство во внутренние дела, проведение упорной антипольской кампании, враждебная позиция в отношении Польши и т.д. (см. 89 *R.G.D.I.P.* (1985), pág. 467). Это уведомление осталось без последствий, когда правительство Польши утром 16 ноября 1987 года уведомило Генерального директора этой организации об отзыве своего предварительного уведомления в связи с тем, что оно было убеждено, что в конечном итоге проблемы, вызванные направленными против Польши действиями в рамках Организации, которые сделали невозможным ее участие в работе этой организации, будут решены. Срок выхода из Организации истек в полночь 16 ноября 1987 года (92 *R.G.D.I.P.* (1988), pág. 407).

ную фразу этой статьи («становится недействительным и прекращается»), в данном случае речь идет о том, что в момент возникновения нормы *jus cogens* возникает ситуация, которая в строгом смысле не касается недействительности и о которой мы говорили выше; соответствующие последствия носят четко определенный характер — последствия, которые порождает договор до момента возникновения такой нормы, сохраняются, если это возможно, в отличие от случая, когда возникают собственно основания недействительности. Этим объясняются существенные различия между этими двумя концепциями.

119. С учетом сказанного выше в рамках того же указанного выше принципа можно сформулировать следующие руководящие принципы, касающиеся возможных оснований прекращения:

«Прекращение односторонних актов (продолжение)

Односторонний акт может быть прекращен или отозван сформулировавшим его государством, если:

...

c) объект указанного одностороннего акта прекратил свое существование;

d) произошло основополагающее изменение обстоятельств, мотивировавших такой акт (*rebus sic stantibus*), что сделало невозможным его осуществление;

e) после его формулирования возникла императивная норма международного права, которой он противоречит».

b) Ситуации, прямо не предусмотренные в Венской конвенции о праве международных договоров

120. Интересный вопрос в связи с односторонними актами связан с тем, может ли возникновение обычной нормы после формулирования одностороннего акта явиться основанием прекращения, изменения или приостановления такого акта, если он противоречит этой норме. Этот неопределенный вопрос был затронут в ходе обсуждений, состоявшихся в Комиссии международного права в процессе кодификации права международных договоров; вместе с тем Комиссия с учетом многочисленных трудностей, возникших в связи со столь сложным вопросом, как возможная коллизия между договорными и обычными нормами, сочла, что эта тема является чрезмерно сложной, чтобы рассматривать ее во всех ее аспектах без угрозы для создания кризисной ситуации в деятельности по кодификации и прогрессивному развитию¹⁶⁴. Возможно, нормативный слой, который позволит нам добиться прогресса в решении этого вопроса, содержится в сфере универсальных или всеобщих обычаев; вместе с тем, что касается региональных обычаев, то здесь возникают большие сомнения, поскольку существование одностороннего акта, противоречащего региональному или даже местному обычаю, может стать существенным препятствием, которое помешает закреплению такого обычая и даже несогласию с ним государства, которое сформулировало односторонний акт. Практика показывает, что, как правило, происходит обратное, т.е. многочисленные односторонние акты по

¹⁶⁴ См. F. Capotorti, loc. cit., pág. 518.

той или иной теме порождают преобразование в рамках существовавшего до этого момента правового режима и могут даже повлечь за собой включение такого новаторского решения в какой-либо договорный текст¹⁶⁵.

121. Второй аспект, который также не рассматривается в Венской конвенции 1969 года, касается того, что происходит с односторонними актами, когда происходит существенное изменение в отношении субъекта, сформулировавшего такой акт. Этот вопрос можно сформулировать одной фразой — что происходит в случае правопреемства государств? Должны ли сохраняться обязательства, принятые ранее в силу односторонних актов, или же они прекращают свое существование в тот момент, когда происходит это явление, особенно в случае исчезновения государства-предшественника? Если этот вопрос не является однозначным в сфере международных договоров¹⁶⁶, то в нашем случае он является еще более сложным. В этой области еще более очевидными становятся противоречия между этими двумя ситуациями, которые носят контрастный характер, однако касаются международной сферы: необходимость существования определенной стабильности в международных отношениях, причем сохранение международных обязательств, принятых в силу формулирования односторонних актов, является одной из основ этого явления. Ответ кроется в конкретных обстоятельствах, а также в том, какую позицию государство или государства, возникшие в результате правопреемства, займут в отношении одностороннего акта, хотя, на наш взгляд, существуют критерии, которые а priori влекут за собой принятие того или иного конкретного решения. Безусловно то, что если изменения, произошедшие в государстве в результате правопреемства, имеют весьма существенное значение, то в результате этого односторонний акт может измениться.

122. С другой стороны, также возникает вопрос о том, может ли возникновение вооруженного конфликта повлечь за собой прекращение или приостанов-

¹⁶⁵ Именно это и произошло, например, в рамках морского права в том, что касается установления 12-мильной территориальной зоны, а также создания исключительной экономической зоны, которая непосредственно связана с понятием «патримониального моря». Все эти вопросы, а также иллюстративный перечень государственных односторонних актов (с разбивкой по континентам рассматриваются в De Gastón, A.S., “Los actos jurídicos internacionales unilaterales con especial atinencia a los intereses marítimos argentinos”, *1 Anuario Argentino de Derecho Internacional* (1983), págs. 260, 261 y 295 a 357.

¹⁶⁶ Отсутствие единого мнения на международном уровне в отношении сохранения принципа преемственности в случае международных договоров, участником которых является предшественник, или варианта “*tabula rasa*”, на наш взгляд, объясняется двумя весьма четкими элементами: с одной стороны, недостаточно широкое принятие Венской конвенции 1978 года о правопреемстве государств в отношении договоров, в связи с чем она до 1996 года не получила достаточного количества ратификаций для вступления в силу. Второй фактор объясняется многочисленными разногласиями в международной практике за последние десять лет, в которой правопреемство, уведомление о правопреемстве, присоединение или прекращение действия международных договоров предшественник использует самым широким образом. Как указал М. Кокенниери в “Report of the Director of Studies of the English-speaking Section of the Centre”, en *La succession d’Etats: la codification à l’épreuve des faits/State Succession: Codification Tested Against the Facts*, La Haya, Boston, Londres, 2000, pág. 89: «Единственно относительно бесспорный нормативный вывод, который можно сделать, носит процедурный характер — государства должны вести переговоры в духе доброй воли. Вместе с тем это обязательство определяется не Венской конвенцией 1978 года, а структурными требованиями дипломатической системы».

ление одностороннего акта с соответствующими последствиями в отношениях между государством, сформулировавшим такой акт, и государством-адресатом. Как и в случае вопроса, который рассматривался выше, в Венской конвенции о праве международных договоров лишь содержится упоминание о такой возможности, которое свидетельствует о том, что она в ней не регулируется. В статье 73 указывается, что «положения настоящей Конвенции не предрешают ни одного из вопросов, которые могут возникнуть в отношении договора и правопреемства государств, из международной ответственности государств или из начала военных действий между государствами», и более явно сформулировать ее было нельзя. С учетом противоречивого характера этого вопроса было решено отказаться на время от рассмотрения этой темы, к которой Комиссия вернулась позднее и назначила Специальным докладчиком г-на Яна Баунли, который представил свой первый доклад в 2005 году¹⁶⁷.

123. В данном случае мы считаем, что следует с большим основанием обратиться к соответствующему одностороннему акту, чтобы выяснить, повлияет ли война на осуществление такого одностороннего акта или отказ от него. Возможно, если акт содержит обещание или отказ, который влечет за собой определенные блага для государства, с которым ведется война, то государство, сформулировавшее такой акт, примет решение о его прекращении или как минимум приостановлении. Более того, в данном случае может возникнуть и ссылка на коренное изменение обстоятельств. Столь политизированный институт, как правило, претерпевает изменения в случае вооруженного конфликта и даже влечет за собой другие ситуации, такие, как признание ситуации войны со всеми вытекающими отсюда последствиями¹⁶⁸.

124. Эти замечания по поводу действительности, оснований недействительности и применения односторонних актов, на которые оказал существенное влияние венский режим, представляются для дополнения предыдущих докладов, внесения ясности по мере возможности в этот вопрос и даже представления Комиссии ряда руководящих принципов, конкретно касающихся этого раздела. Все они приведены в соответствующем разделе, за исключением тех, которые касаются приостановления, однако, чтобы не утратить общей картины, мы предпочли в данном случае свести их воедино следующим образом:

«Приостановление односторонних актов

Односторонний акт может быть приостановлен сформулировавшим его государством, если:

- а) в момент его формулирования возникли какие-либо обстоятельства, позволяющие его приостановить;**
- б) в момент его формулирования такой акт сопровождался каким-либо условием в отношении приостановления;**
- с) объект такого акта на время прекратил свое существование;**

¹⁶⁷ Как известно, в 2005 году по этому вопросу был представлен первый доклад (A/CN.4/552), а также подготовленный Секретариатом меморандум, озаглавленный «Воздействие вооруженного конфликта на международные договоры: анализ практики и доктрины» (A/CN.4/550 и Согг.1).

¹⁶⁸ Исчерпывающий анализ этого вопроса см. в J. Verhoeven, *op. cit.*, págs. 100 a 167.

d) произошло основополагающее изменение обстоятельств, мотивировавших такой акт, что на время сделало невозможным его осуществление».

III. Часть вторая: проекты руководящих принципов, выносимые на рассмотрение Рабочей группы

125. Как указывалось в начальной части доклада, членам предлагаются проекты принципов по различным вопросам, которые ранее рассматривались как в Комиссии, так и в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи. Эти проекты можно будет препроводить на рассмотрение Рабочей группе, которая вновь соберется в этом году. В эту группу руководящих принципов включены проекты, касающиеся действительности и прекращения односторонних актов, которые рассматривались в части первой настоящего доклада.

A. Определение одностороннего акта

126. Один из вопросов, который вызвал самые широкие обсуждения в Комиссии с начала рассмотрения этой темы в 1997 году, касается определения одностороннего акта, которое необходимо для разработки последующих норм или руководящих принципов, регулирующих функционирование таких актов. Первый вопрос, который возникает в связи с определением, касается различий между односторонним правовым актом и односторонним актом государства, не имеющим целью установить или подтвердить то или иное правовое отношение, то есть односторонним актом политического характера. С самого начала рассмотрения этой темы особо отмечалась необходимость разграничить обе эти категории, что сопряжено с большими трудностями, поскольку для этого основополагающее значение имеет определение намерения государства. Односторонние акты правового характера, безусловно, регулируются международным правом, а их нарушение влечет за собой международную ответственность государства. Акты политического характера, со своей стороны, влекут за собой лишь политические обязательства для государства и их невыполнение порождает последствия лишь в этом контексте.

127. Мы не будем возвращаться к анализу этой темы и лишь напомним, что Комиссия как в полном составе, так и в рамках Рабочей группы, созданной для рассмотрения этой темы, внимательно изучила некоторые односторонние акты, которые осуществляются в рамках международно-политических отношений и таким образом не подпадают под действие международного права. В числе таких актов Комиссия изучила односторонние заявления государств, обладающих ядерным оружием, т.н. заявления о негативных гарантиях безопасности, которые формулируются на различных уровнях и в различных международных органах и контекстах. Большинство членов пришли к выводу о том, что эти заявления носят политический характер и таким образом не порождают правовых обязательств для государства-заявителя. Подробный анализ текстов таких заявлений и обстоятельств или контекста их формулирования показал, что государства-заявители не имеют намерения брать на себя правовые обязательства в отношении таких негативных гарантий безопасности. Речь, таким образом,

идет об односторонних политических заявлениях, которые выходят за рамки международного права.

128. Кроме того, на самом начальном этапе рассмотрения этой темы было достигнуто единство мнений по поводу отдельного рассмотрения односторонних правовых актов государств, которые безусловно относятся к договорной сфере и таким образом подпадают под действие венского режима о праве международных договоров. Такие акты формально носят односторонний характер, т.е. они сформулированы одним государством, однако в рамках договорных отношений. К их числу относятся, например, подписание, ратификация, формулирование и снятие оговорок, уведомление, депонирование документов, касающихся таких договорных отношений. Односторонний акт в строгом смысле порождает отношения между государством-автором и адресатом или адресатами, однако эти отношения отличаются от тех, которые рассматриваются в договорной сфере.

129. Также выходят за рамки настоящего исследования односторонние акты, касающиеся конкретных режимов, санкционированных той или иной конкретной нормой. В качестве примера можно привести заявление о создании исключительных экономических зон или в целом о разграничении морских пространств.

130. Аналогичным образом не рассматриваются заявления о признании обязательной юрисдикции Международного Суда, которые, хотя с формальной точки зрения они также являются односторонними заявлениями, регулируются Венским режимом о праве международных договоров. Хотя, безусловно, такие заявления по форме носят односторонний характер, они, как в большинстве своем подтверждают международная доктрина и практика, относятся к договорной сфере и таким образом регулируются венским режимом о праве международных договоров. Вместе с тем они являются факультативными заявлениями *suí generis*, к которым необходимо более гибко применять некоторые правила, например касающиеся их толкования. Напомним в этой связи, что в деле *Actividades Militares y Paramilitares* Соединенные Штаты Америки указали, что такие заявления имеют характер *suí generis*, «не образуют договорных отношений и не регулируются правом международных договоров, а государство обладает суверенным правом заявлять оговорки при выражении согласия на юрисдикцию Суда, и при этом существует неотъемлемая особенность режима факультативной оговорки, о чем свидетельствует практика, которой следуют и которую развивают государства»¹⁶⁹.

131. Не сбрасывая со счетов их характер *suí generis*, как это делалось ранее, например в деле, касающемся Англо-иранской нефтяной компании, Суд действительно считает, что эти заявления относятся к сфере договорных отношений. Заявления о признании такой юрисдикции не являются договорным документом, принятым по результатам переговоров между двумя или более государствами, указал Суд, уточнив, что они являются «результатом одностороннего формулирования...»¹⁷⁰. Такое понимание подкрепляется тем, что эти заявления регистрируются у Генерального секретаря Организации Объединенных Наций и сдаются ему на хранение. Решение Суда 1984 года свидетельствует о том,

¹⁶⁹ *I.C.J. Reports*, 1984, p. 415, párr. 53.

¹⁷⁰ *I.C.J. Reports*, 1952, p. 105.

что, хотя эти заявления регулируются договорным режимом, тот факт, что они формулируются в одностороннем порядке, необходимо учитывать при их толковании.

132. Односторонние акты, которыми занимается Комиссия с 1997 года, т.е. односторонние заявления, формулируемые одним или несколькими государствами с намерением вызвать определенные правовые последствия, необходимо отличать, по крайней мере в том, что касается их формулирования или реализации, от также одностороннего поведения, которое, хотя в строгом смысле этого понятия и не является актом, но может порождать аналогичные правовые последствия. Большинство членов сочло нецелесообразным рассматривать односторонние акты и поведение в рамках одного и того же исследования, хотя некоторые члены и правительства некоторых стран отметили, что их рассмотрение должно быть взаимосвязанным, поскольку, хотя они и могут «формулироваться» или «реализовываться» в различных обстоятельствах, их последствия могут быть аналогичными. Хотя, на наш взгляд, существуют четкие различия между актами и поведением, по крайней мере, в том, что касается их формулирования, было отмечено, что последние не должны оставаться за рамками настоящего исследования и заслуживают надлежащего рассмотрения в Комиссии. Руководящие принципы, касающиеся односторонних актов государств, в строгом смысле могут *mutatis mutandis* применяться к одностороннему поведению государства.

133. Комиссия на базе докладов Специального докладчика весьма подробно изучила ряд классических односторонних актов, которые считаются таковыми в большей части доктрины (признание, обещание, отказ, протест), и пришла к выводу о том, что, хотя их изучение представляет интерес и обогатит международную доктрину в этой сфере, квалификация акта не влияет на его правовые последствия. Тогда был сделан вывод о том, что односторонний акт может квалифицироваться по-разному, что не влияет на правовые последствия, которые стремится породить его автор. Независимо от такой квалификации важно определить, действительно ли государство-автор на момент формулирования акта имело намерение взять на себя соответствующие правовые обязательства в отношении адресата или адресатов.

134. Односторонний акт, который интересует Комиссию, представляет собой заявление, сформулированное одним или несколькими государствами, форма которого, следует отметить, не имеет определяющего характера и который содержит одностороннее волеизъявление с намерением взять на себя определенные обязательства или подтвердить определенные права. Речь идет об акте, процесс разработки которого отличается от формы разработки договора, в котором участвует два или более государств, что осложняет определение намерения автора в отношении принятия на себя правового обязательства.

135. Автор акта стремится с помощью такого заявления «вызвать определенные правовые последствия» — более общий термин, который охватывает как обязательства, которые может взять на себя государство-заявитель, так и права, которые могут быть подтверждены таким актом. Этот вопрос широко рассматривается в доктрине и в Комиссии. Государство, как уже указывалось, может взять на себя односторонние обязательства в порядке осуществления своего суверенитета, однако не может возложить какие-либо обязательства на другие государства без его согласия, как это зафиксировано в режиме права междуна-

родных договоров. Вместе с тем некоторые члены отметили, что указание исключительно на принятие обязательств повлечет за собой ограничение сферы применения проекта. Именно в этой связи была сделана ссылка на образование правовых последствий, которая охватывает как возможность принятия обязательств, так и возможность подтверждения прав.

136. Односторонний акт должен формулироваться «в соответствии с международным правом»; он основывается на самом международном праве и таким образом становится источником обязательств¹⁷¹ (и даже подтверждения прав), т.е. выполняет такую же роль, как и договорные или обычные нормы или акты международных организаций.

137. С учетом сказанного выше и в соответствии с итогами обсуждений в Комиссии и выводами Рабочей группы по этой теме, ниже приводится следующий проект руководящего принципа, в котором в общих чертах излагаются основополагающие элементы проекта определения, представленного Специальным докладчиком в его первом докладе, и который до настоящего момента являлся основой для дальнейшего рассмотрения этой темы.

«Принцип 1

Определение одностороннего акта

Под односторонним актом государства понимается одностороннее заявление, сформулированное государством с намерением вызвать определенные правовые последствия по международному праву».

138. Теперь в это определение и сферу его применения следует включить указание на адресатов (или адресата) такого акта. Хотя рассматриваемая тема и проект руководящих принципов касаются односторонних актов, формулируемых государством, важно уточнить, что они могут быть направлены на другое государство, группу государств, международное сообщество в целом, международную организацию и даже на другое образование, являющееся субъектом международного права.

139. Таким образом, представляется целесообразным включить ссылку на эту особенность в определении (второй пункт). В данном случае предлагаются два варианта, один из которых построен на перечислении возможных адресатов таких односторонних актов и носит более ограничительный характер, а второй носит более широкий характер и предусматривает, что односторонний акт должен формулироваться в соответствии с международным правом независимо от его адресатов¹⁷².

¹⁷¹ В этой связи необходимо вспомнить терминологию последнего решения Международного Суда по вопросу о приемлемости от 3 февраля 2006 года в деле *las actividades armadas en el territorio del Congo (R.D. del Congo c. Rwanda)*, пункт 45 (в котором используется выражение «одностороннее обязательство, имеющее правовые последствия»), а также пункт 46 (в котором содержится ссылка на «осуществление от имени указанного государства односторонних актов, имеющих силу международного обязательства»).

¹⁷² Достаточно напомнить в данном случае некоторые примеры, приведенные в восьмом докладе, где говорится, что адресатами одностороннего акта могут являться агенты международной организации или образования, которые не являются государствами в строгом смысле. См. A/CN.4/557, стр. 11–13 и 26–30 текста на испанском языке.

«Пункт 2 принципа 1**Адресаты односторонних актов государств****Альтернативный вариант А:**

Адресатом одностороннего акта может являться одно или несколько государств, международное сообщество в целом, одна или несколько международных организаций или любой другой субъект международного права.

Альтернативный вариант В:

Односторонний акт, сформулированный в соответствии с международным правом, порождает правовые последствия независимо от его адресатов».

В. Формулирование одностороннего акта**1. Правоспособность государств формулировать односторонние акты**

140. Как и в сфере международных договоров, государства обладают правоспособностью формулировать односторонние акты. Действительно, государство может в порядке осуществления своего суверенитета формулировать заявления с намерением породить определенные правовые последствия и взять на себя односторонние обязательства, причем в данном случае такая форма не требует принятия или какой-либо иной реакции со стороны адресата. В данном случае применяется термин «формулировать», который охватывает понятия «разработка» или «заключение», которые используются в контексте договорного права. Термин «формулирование» действительно в большей степени подходит к форме одностороннего акта, тогда как «разработка» или «заключение» договора предполагают согласие или совпадение волеизъявлений, которые не требуются в контексте односторонних актов.

141. Таким образом, если следовать Венской конвенции 1969 года о праве международных договоров (статья 6), то каждое государство обладает правоспособностью формулировать односторонние акты с уточнением в данном случае, что это должно делаться «в соответствии с международным правом», и соответствующий руководящий принцип можно сформулировать следующим образом:

«Принцип 2**Правоспособность государств формулировать односторонние акты**

Каждое государство обладает правоспособностью формулировать односторонние акты в соответствии с международным правом».

2. Лица, правомочные формулировать односторонние акты от имени государства

142. Несколько более сложный вопрос в сфере формулирования односторонних актов касается правомочности лиц формулировать акты такого рода от имени государства и принимать обязательства от его имени в его международных отношениях. Эта тема неоднократно рассматривалась Комиссией, в част-

ности в ходе обсуждений, возникших на базе второго и третьего докладов. Специальный докладчик, как известно, представил несколько общих предварительных идей по этой теме, согласующихся с мнениями, которые высказывали как члены Комиссии, так и различные государства в ответах на вопросы Секретариата¹⁷³.

143. Формула, из которой нам следует исходить в соответствии с венским режимом о праве международных договоров, заключается в том, что некоторые лица могут действовать и принимать обязательства от имени государства в его международных отношениях без необходимости предъявления полномочий (глава правительства, а также министр иностранных дел), поскольку считается, что они обладают соответствующими полномочиями для этого. Как недавно указал Международный Суд, ссылаясь на постоянную практику: «положение о том, что глава государства, глава правительства или министр иностранных дел считаются уполномоченными представлять государство в силу самого факта выполнения ими своих функций, в том числе для формулирования от имени этого государства односторонних актов, имеющих силу международного обязательства, является нормой международного права»¹⁷⁴.

144. Первый пункт проекта руководящего принципа, в котором содержится это общее правило, можно сформулировать следующим образом:

«Принцип 3

Правомочность формулировать односторонние акты от имени государства¹⁷⁵

1. В соответствии с их функциями глава государства, глава правительства и министр иностранных дел считаются представителями своего государства, правомочными формулировать односторонние акты от его имени»¹⁷⁶.

145. Помимо лиц, упомянутых в пункте 1 проекта принципа 3, должны существовать и другие лица, которые могут действовать от имени государства и принимать от его имени обязательства путем формулирования одностороннего заявления. В Шестом комитете высказывались различные мнения относительно нежелательности расширения круга лиц, правомочных формулировать односторонние акты¹⁷⁷. Также в самой Комиссии ряд членов привели примеры, из

¹⁷³ См., например, мнения Аргентины и Израиля в A/CN.4/511.

¹⁷⁴ Решение от 3 февраля 2006 года, R.D. Congo c. Rwanda, пункт 46.

¹⁷⁵ Это название соответствует предложению Г. Памбу-Чивунды в отношении его содержания (*Yearbook of the I.L.C.*, 2000, vol. I, pág. 128, part. 31).

¹⁷⁶ Необходимость введения ограничительного критерия в отношении лиц, правомочных принимать обязательства от имени государства путем формулирования односторонних актов, была отмечена многими государствами, которые представили ответы на вопросы, направленные Секретариатом (A/CN.4/511). В этой связи Д. Момтаз высказал в Комиссии свое мнение по поводу необходимости ограничения правомочности формулировать односторонние акты лицами, которые упоминаются в пункте 2(a) статьи 7 Венской конвенции о праве международных договоров (см. A/CN.4/SR.2723).

¹⁷⁷ Так, в 2005 году представитель Чили по поводу возможности принятия гибкого критерия в отношении определения круга лиц, правомочных формулировать односторонние акты, заявил, что его делегация выступает против придания этому положению большей гибкости, чем это предусмотрено в сфере международных договоров в Венской конвенции. См. A/C.6/60/SR.16, пункт 47, где указывается, что такая гибкость является опасной и может привести к многочисленным злоупотреблениям, поскольку установление того,

которых вытекает, что во многих случаях делегаты международных конференций выступали с заявлениями, из которых, по-видимому, мог следовать определенный обязательный характер для государств, которые они представляли, однако в конечном итоге этого не произошло¹⁷⁸.

146. Безусловно, такое положение порождает, как уже указывалось, многочисленные проблемы; вместе с тем, как это часто и происходит на практике, особенно в контексте определенных международных органов или организаций, другие государственные представители, помимо тех, которые указывались выше, осуществляют действия, которые могут породить и действительно порождают обязательства для представляемого ими государства¹⁷⁹.

147. В ходе обсуждений в Комиссии говорилось о возможности того, что другие лица, помимо главы государства, главы правительства или министра иностранных дел, в соответствии с международным правом также могут быть уполномочены действовать и принимать обязательства от имени государства в этой сфере. Таким образом, можно считать, что лицо, помимо упомянутых выше лиц, может действовать и принимать обязательства от имени государства в этой сфере, если оно обладает для этого соответствующими полномочиями. Это конкретное нововведение объясняется динамикой развития международных отношений и тем, что возможны случаи, когда те или иные лица могут получать и действительно получают полномочия действовать от имени государства. Конкретный характер односторонних актов требует придания гибкого характера норме, действующей в договорной сфере, однако таким образом, чтобы лишь в определенных случаях и обстоятельствах от имени государства могли принимать обязательства лица, помимо тех, которые традиционно считаются уполномоченными для этой цели в венском режиме.

148. Суд в своем решении по поводу юрисдикции и приемлемости требования Демократической Республики Конго в отношении Руанды от 3 февраля 2006 года указал, что «в современных международных отношениях все чаще возникают ситуации, когда другие лица, представляющие государство в определенных областях, уполномочены этим государством своими заявлениями брать от его имени обязательства в областях, входящих в сферу их компетенции. Это может, например, относиться к министрам технических ведомств, осуществляющих в сфере внешних сношений полномочия, входящие в их круг ведения, и даже к отдельным чиновникам»¹⁸⁰. Это подтверждает, что иные лица, помимо тех, которые в договорной сфере уполномочены действовать от име-

обладает ли лицо, сформулировавшее данное заявление, не будучи формально уполномоченным делать это, реальными полномочиями принимать обязательства от имени государства, которое, по его утверждению, оно представляет, оставляется на усмотрение государства-адресата. В соответствии с пунктом 1(b) статьи 7 Венской конвенции гибкость в сфере представленности государства ограничивается исключительно практикой соответствующих государств, в связи с чем такое решение не оставляется на усмотрение одного государства. Представитель Кении придерживался той же точки зрения, считая, что категорию уполномоченных лиц следует ограничить лицами, определенными в той же статье 7 (A/C.6/60/SR.16, пункт 73).

¹⁷⁸ См. примеры, приведенные Г. Хафнером в *Anuario C.D.I.*, 1999, vol. I, pág. 221, párr. 34.

¹⁷⁹ См. в качестве примера случаи, когда на заседании Совета Европейского союза на уровне министров страны представляют представители в ранге министров, которые могут не являться министрами иностранных дел.

¹⁸⁰ См. пункт 47 упомянутого решения.

ни государства, могут принимать обязательства от имени государства путем формулирования одностороннего заявления, как это вытекает из формулировки Суда, в данном случае касающейся действий министра юстиции Руанды.

149. Следует добавить, что, как станет очевидно ниже, помимо того, что, как явствует из практики, лицо может действовать и принимать обязательства от имени государства, которое оно представляет в определенной сфере, значение имеют также и обстоятельства, в которых формулируется такой односторонний акт. Действительно, форма его формулирования, его формулировки (и, как указал Международный Суд, их четкий и точный характер), а также его содержание имеют определяющее значение для получения всей необходимой информации в отношении указанного одностороннего акта.

150. Если этот вопрос не будет рассматриваться более подробно в дальнейшем в контексте толкования односторонних актов, то ниже предлагается следующий пункт 2 проекта руководящего принципа 3:

«2. Помимо лиц, указанных в предыдущем пункте, можно считать, что другие лица могут формулировать односторонние акты от имени государства, если это вытекает из практики соответствующего государства и обстоятельств формулирования такого акта».

3. Последующее подтверждение акта, сформулированного лицом, не имеющим на то полномочий

151. В сфере договорного права односторонний акт может быть подтвержден государством, если он сформулирован лицом, не имеющим на то полномочий или правомочий. В предыдущих докладах Специального докладчика указывалось, что в зависимости от особенностей такого одностороннего акта это подтверждение должно быть явным, однако это мнение не получило всеобщей поддержки членов Комиссии.

152. Независимо от того, как этот вопрос рассматривался в первой части девятого доклада, в которой говорилось об основаниях недействительности односторонних актов, ниже предлагается следующий проект руководящего принципа:

**«Принцип 4
Последующее подтверждение акта, сформулированного лицом, не имеющим на то полномочий (или правомочий)**

Односторонний акт, сформулированный лицом, не имеющим полномочий (или правомочий) действовать от имени государства, согласно положениям предыдущих руководящих принципов, может быть впоследствии подтвержден государством прямо или в форме неоспоримых действий, из которых четко вытекает такое подтверждение».

С. Основа обязательного характера односторонних актов

153. После того, как Комиссии был представлен первый доклад¹⁸¹, во прос об основе односторонних актов, т.е. об основе их обязательного характера, поднимался неоднократно, и мнения по этому поводу разделились. Не вдаваясь в подробности, с которыми можно ознакомиться в предыдущих докладах и обсуждениях Комиссии по этой теме, отметим, что ни в доктрине¹⁸², ни среди членов Комиссии не существует единой позиции¹⁸³, которая позволила бы четко определить, что представляет собой основу обязательного характера таких актов.

154. Если обратиться к мнению Международного Суда, высказанному в его заключениях 1974 года, то добросовестность является основополагающим принципом, который необходимо учитывать, поскольку «одним из основополагающих принципов, регулирующих формулирование и осуществление правовых обязательств, независимо от их источника, является принцип добросовестности. Вера и доверие являются неотъемлемой частью международного сотрудничества, особенно в эпоху, когда такое сотрудничество во многих областях становится все более необходимым. Как сама норма *pacta sunt servanda* в праве международных договоров основывается на добросовестности, так это и происходит с обязательным характером международного обязательства, принятого посредством одностороннего заявления. Таким образом, заинтересованные государства могут ознакомиться с односторонними заявлениями и принять их на веру и будут иметь право требовать соблюдения порожденного таким образом обязательства»¹⁸⁴.

155. Кроме того, с реалистичной точки зрения намерение государства, сформулировавшего односторонний акт, также является важным элементом при определении основы обязательного характера односторонних актов. Это мнение высказывалось в Комиссии¹⁸⁵, подтверждается доктриной¹⁸⁶ и Международ-

¹⁸¹ См. A/CN.4/486, пункты 152–162.

¹⁸² В этой связи в D. Bondía García, *Régimen jurídico de los actos unilaterales de los Estados*, Barcelona, 2004, особенно на стр. 76 текста на испанском языке предлагается двойная основа: субъективный критерий, заключающийся в воле государств придать обязательный характер одностороннему акту и объективный критерий, который касается защиты законной веры (добросовестность); также в испанской доктрине R. Zafra Espinoza de los Monteros, en *Aproximación a una teoría de los actos unilaterales de los Estados*, работа, представленная на соискание должности преподавателя в Университете Севильи в 2002 году (экземпляр любезно предоставлен автором), стр. 54–56 текста на испанском языке, указывается на необходимость следовать заключению Международного Суда в деле о ядерных испытаниях и за основу такой обязательности взять добросовестность и взаимное доверие.

¹⁸³ Были предприняты попытки обосновать обязательный характер односторонних актов какой-либо нормой типа *acta sunt servanda* или *declaratio est servanda*, однако эта форма вызвала многочисленную критику. Некоторые члены Комиссии даже указали, что «нет необходимости изобретать особую норму, такую как *declaratio est servanda*. Принцип добросовестности является достаточным» (мнение И. Лукашука, *Anuario C.D.I.*, 1998, vol. I, pág. 39).

¹⁸⁴ См. *I.C.J. Reports 1974*, pág. 46.

¹⁸⁵ См. A/CN.4/505, пункты 35–36.

¹⁸⁶ В этой связи см. R. Higgings, *Problems and Process: International Law and How We Use it*, Oxford, 1994, pág. 35; а также D. Bondía García, *op. cit.*, págs. 76 y 77.

ным Судом¹⁸⁷. Помимо этого в упомянутом решении от 3 февраля 2006 года Суд подтверждает необходимость учитывать «реальное содержание этого одностороннего заявления, а также обстоятельства, в которых оно было сделано» (то есть контекст); Суд также указал, что «заявление такого характера может повлечь за собой юридические обязательства лишь в том случае, если оно имеет ясный и четкий предмет»¹⁸⁸.

156. С учетом сказанного выше, как представляется, можно сформулировать следующий руководящий принцип в отношении основы обязательного характера односторонних актов¹⁸⁹:

«Принцип 10

Основа обязательного характера односторонних актов

Обязательность односторонних актов государств основывается на принципе добросовестности и намерении государства, сформулировавшего такой акт, взять на себя обязательство».

D. Толкование односторонних актов

157. В сфере односторонних актов разработка приемлемых норм в отношении толкования, которые бы соответствовали договорной сфере, является практически невозможной, что объясняется характером этих актов. Как в четвертом, так и в пятом докладах¹⁹⁰, представленных Комиссии, были выдвинуты определенные предварительные критерии с намерением предложить общие ориентиры для толкования таких односторонних актов. Различные мнения, высказанные членами Комиссии, убедительно показали наличие многочисленных трудностей, осложняющих выработку общеприемлемых критериев к толкованию односторонних актов¹⁹¹. Как предлагал Специальный докладчик в указанных выше докладах указания на подготовительные документы, преамбулы или приложения, которые могли бы оказаться полезными в сфере международных

¹⁸⁷ Чтобы не ходить далеко за примером возвращаемся к «ядерным испытаниям», где указывается, что «...независимо от формы выражения этих заявлений они должны считаться обязательными для государств с учетом их направленности и обстоятельств, в которых они были сформулированы» (*I.C.J. Reports 1974*, pág. 269, pág. 49).

¹⁸⁸ См. решение Международного Суда по делу *R.D.C. c. Rwanda*, пункты 49–50.

¹⁸⁹ Просьба учесть, что соответствующее изменение номера этого проекта руководящего принципа объясняется тем, что, по мнению Специального докладчика, предлагаемые принципы, приведенные в девятом докладе (A/CN.4/569), касающиеся оснований недействительности и прекращения односторонних актов, следует включить выше в этот руководящий принцип, как это сделано в заключительном пункте этого документа, где последовательно приводятся все эти принципы.

¹⁹⁰ В этой связи см. A/CN.4/519, пункты 101–154, а также A/CN.4/525/Add.1, пункты 120–135, где предпринята попытка вывести общее правило в отношении толкования, а также предложены соответствующие дополнительные средства.

¹⁹¹ См. *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят шестая сессия, Дополнение № 10 (A/56/10)*, в частности пункты 239–244. Тогда считалось преждевременным рассматривать вопрос о толковании; некоторые члены отметили возможную применимость положений Венской конвенции, а другие высказывали полностью противоположную точку зрения, которая основывалась на особом характере односторонних актов. На этой сессии в Комиссии были высказаны идеи, касающиеся объекта, цели, а также контекста одностороннего акта.

договоров, придется отложить в соответствии с мнением большинства членов Комиссии¹⁹² и доктриной¹⁹³.

158. Важно отметить, что односторонние заявления, рассмотренные Международным Судом, не зависят от того, относятся ли они к сфере договорных отношений, являясь объектом толкования, в связи с чем их следует упомянуть в данном случае. Действительно, Суд высказал свое мнение с учетом необходимости строгого толкования заявлений, в соответствии с которыми государства стремятся ограничить свою свободу действий, а также указать на необходимость учета контекста формулирования такого одностороннего акта и даже, как уже говорилось, на его четкость и точность¹⁹⁴.

159. Все приведенные выше элементы можно использовать для толкования одностороннего акта; контекст в данном случае приобретает важнейшую роль, в связи с чем его необходимо особо учитывать для оценки указанного одностороннего акта и вычленения возможных правовых последствий такого акта.

160. В этой связи предлагается следующий проект руководящего принципа:

«Принцип 11

Толкование односторонних актов

Контекст формулирования одностороннего акта государством, а также четкость и точность его формулировок учитываются в первую очередь для целей его толкования».

161. Специальный докладчик считает, что он выполнил задачу, возложенную на него Комиссией, и представил должным образом обоснованные проекты руководящих принципов в отношении односторонних актов государств. Если Комиссия сочтет необходимым, то их можно препроводить на рассмотрение Рабочей группы, а затем Редакционного комитета. По мнению Специального докладчика, эти руководящие принципы могут быть полезны государствам в деле практического рассмотрения последствий односторонних актов государств, которыми Комиссия занимается с 1997 года.

¹⁹² См. *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят седьмая сессия, Дополнение № 10 (A/57/10)*, пункты 405 и 406.

¹⁹³ См. J. D'Aspremont Lyden, *Les travaux de la Commission du droit international relatifs aux actes unilatéraux des Etats*, 109 *R.G.D.I.P.* (2005), págs. 180 и 181, где говорится прежде всего о толковании односторонних актов.

¹⁹⁴ *I.C.J. Reports 1974*, pág. 267, párr. 44, а также дело *R.D.C. c. Rwanda*, párrs. 49 и 50.